

An aerial photograph of a vast, terraced open-pit mine in a desert environment. The mine's interior is filled with various pieces of heavy machinery, including excavators, trucks, and a yellow building. A winding road or path leads into the mine. The surrounding landscape is arid, with rolling hills and a small blue reservoir. The sky is filled with dramatic, colorful clouds in shades of orange, yellow, and blue. The entire image has a textured, slightly grainy appearance with some scratches visible.

Илья Шумей

**РУДНИКИ
СЧАСТЬЯ**

Илья Александрович Шумей

Рудники счастья

Серия «Страна Овец», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43648572*

Аннотация

Технология Эмоциональной Медиации – тот самый волшебный ключик, что откроет людям дорогу к миру без конфликтов, страданий и боли!

Разве может быть что-то прекрасней, чем разделить счастье ближнего или искренне порадоваться успеху другого человека вместе с ним? Это же здорово – иметь возможность приглушить чужую скорбь, успокоить волнение и тревогу или унять страх. Почему бы не поделиться своими уверенностью и умиротворением с тем, кто мучается сомнениями? Что плохого в том, чтобы разбавить свое одиночество капелькой чей-то пылкой влюбленности?

Ведь так мы сделаем мир только лучше! Страждущие насытятся, терзаемые страстями успокоятся, впавшие в уныние вновь воодушевятся, ну а те, кто побогаче, получают уникальный шанс немного персонального счастья себе просто купить.

Что может пойти не так?

Роман «Рудники счастья» – новая сказка из Страны Овец.
Страшная сказка.

Илья Шумей

Рудники счастья

Третья книга из цикла «Страна овец»

Выйдя из автобуса, Том уверенно зашагал по аллее, ведущей вглубь поселка. С первых же метров его буквально обволокла атмосфера богатства и роскоши, выражавшаяся и в идеально ровно уложенной тротуарной плитке, и в начищенных до блеска латунных столбиках ограждения, и в выглядывающих из аккуратно подстриженной травы искусственных булыжниках, что изо всех сил притворялись, будто торчат здесь с эпохи динозавров. За подернутыми благородной патиной коваными оградами виднелись роскошные особняки, кажущиеся простота и непритязательность которых скрывали в себе кропотливую работу именитых архитектурных и дизайнерских агентств. При этом их обитатели зачастую носили обычные джинсы и футболки, словно говоря тем самым: «мы достаточно богаты, чтобы не напоминать окружающим об этом при каждом удобном случае».

Том заранее изучил планировку поселка и сейчас не тратил времени на кручение головой по сторонам в поисках нужного адреса. Заплутавшие чужаки всегда привлекают

больше внимания, а он бы предпочел оставаться незамеченным. В униформе сервисной компании по обслуживанию климатического оборудования, с небольшим рюкзачком за спиной – в условиях, когда каждый второй дом тут сейчас достраивается или ремонтируется, такой человек будет выглядеть столь же естественно, как официант в зале ресторана.

Впрочем, он мог особо и не беспокоиться – обитающая в поселке публика давно привыкла вообще не замечать снующий повсюду технический персонал, воспринимая его суету вокруг себя как еще одно явление природы и не делая большой разницы между живыми людьми и, скажем, автоматическими уборщиками, до блеска вылизывающими окрестные дорожки и тротуары.

И вот тут-то они и совершали свою роковую ошибку.

Ведь окруженные со всех сторон бесчисленными инженерными системами и роботизированными помощниками, люди даже не подозревали, какую власть над собой они отдают в руки тех, кто все эти технические чудеса разрабатывает, обслуживает и ремонтирует. Будильник поведает им о Вашем распорядке дня, кухонная станция – о пристрастиях в еде, а освещение в туалете – о сопутствующих проблемах с желудком. Даже к врачу обращаться не потребуется. Разрозненные крохи информации, сложенные в единую картину, вполне способны рассказать о человеке даже больше, чем он знает о себе сам.

Не надо шпионить, подслушивать, устраивать слежку за интересующим тебя субъектом, достаточно ознакомиться с логами зарядной станции его автомобиля и архивом заказов курьерской службы. А потом сделать выводы.

К примеру, на этой неделе в дом 18 продукты не привозили ни разу, и ближайшая доставка значилась в графике только на вечер воскресенья. Отсюда со всей очевидностью следовало, что хозяева находятся в отъезде и вернутся лишь через два дня. Для надежности, Том еще сверился с данными об энергопотреблении коттеджа, которые только подтвердили его соображения. Что ж, в таком случае, если он сегодня нанесет визит по указанному адресу, то никого не побеспокоит.

Том свернул с центральной аллеи в переулок, направляясь к утопающему в зелени кирпичному особняку, что виднелся в его конце. Правой рукой он нащупал в кармане пульт джаммера и включил его, заглушив связь у всех окрестных видеокамер. Ему нужно всего несколько секунд, чтобы незамеченным пройти через калитку, и за это время служба безопасности тревогу поднять не успеет.

Вот – еще один пример слепой веры в могущество современных технологий и полное непонимание того, в чьих руках кроется реальная власть. Ведь в любой достаточно сложной системе всегда остается место для лазеек, изучив которые, можно заставить весь мир плясать под свою дудку. Большей частью они являлись результатом банальной невнима-

тельности или ошибки, но кое-какие черные ходы разработчики оставляли намеренно, дабы облегчить себе обслуживание своего детища в дальнейшем.

Прижав один палец к правому нижнему углу дактилоскопической панели на входе, другим пальцем Том провел сверху вниз вдоль ее левого края. Индикатор послушно мигнул зеленым, и послышался щелчок открывшегося замка. Ну вот и все, теперь джаммер можно выключать.

Что это – легкомысленность, инфантильность, снобизм? Почему люди настолько небрежно относятся к обеспечению собственной безопасности? Казалось бы – вставь в дверь еще один, механический замок – и задача грабителя резко усложнится, что, скорей всего, вообще отведит его от твоего дома, но нет. За Стеной таким простакам суровая и безжалостная реальность быстро бы объяснила, что к чему, научив азам осторожности и предусмотрительности, но здесь, в воплощенной стране непуганых идиотов, все вели себя так, словно обитали в окружении невинных ангелов и херувимчиков, неспособных обидеть даже муху.

Что ж, сегодня лучший в мире педагог – Жизнь преподаст вам один из своих неприятных, но полезных уроков.

Впрочем, Том догадывался, где кроются корни столь беспечного поведения. За прошедшие годы людей развратила практически поголовная Психокоррекция. О чем беспокоиться, когда в зачищенные ею мозги даже жалкое подобие злого умысла просочиться неспособно! В закрытых канто-

нах жители настолько обленились, уверовав в ее всесилие, что иногда на входных дверях вообще никаких запоров не ставили. Ведь никому и в голову не придет без приглашения забраться в чужое жилище, да еще и умыкнуть что-нибудь ценное, что тебе не принадлежит. Можно спокойно биться об заклад, что в доме даже сейфа не окажется, и ценности будут разбросаны где попало.

Раньше упрямам, отказавшимся от такой добровольной лоботомии, вход в кантоны «пустышек» был закрыт. А тем, кто демонстрировал прискорбное непонимание новых правил игры, грозила депортация за Стену.

Наглухо закупоренные внутри своего уютного и безопасного мирка, «пустышки» постепенно отвыкли от необходимости соблюдать даже минимальную осторожность и здоровый скептицизм при общении с другими людьми. Как организм, помещенный в стерильные условия, со временем утрачивает иммунитет, так и они вскоре оказались беззащитны перед любыми мошенниками, доведись им подобраться достаточно близко. И в тот день, когда институт Психокоррекции пал под гнетом собственных огрехов и побочных эффектов, настал звездный час для таких, как Том.

Словно подтверждая его правоту, витражная входная дверь особняка сама распахнулась при его приближении. Что ж, уважим гостеприимство столь радушных хозяев.

С некоторым усилием отлепив ботинки от чистящего коврика, он прошел в холл и осмотрелся. Мрамор и лакирован-

ное дерево, хром и стекло – слегка эклектичный интерьер, тем не менее, смотрелся гармонично и явно недешево. Тут чувствовалась рука настоящего мастера дизайна, умеющего хорошо сочетать столь разнородные материалы и привычно-го к щедрым гонорарам. Будем надеяться, что и нам тут кое-что перепадет.

Мысленно выстроив в голове план здания, Том направился в спальню.

Его руки тщательно, но быстро и аккуратно обшаривали тумбочки и полки шкафов, не упуская ни одного укромного уголка и скрупулезно восстанавливая исходное положение предметов после того, как все ценное было изъято. Даже вернувшись домой, хозяева далеко не сразу сообразят, что в их доме побывал незваный гость, списывая пропажу той или иной безделушки на собственную забывчивость. Мысль об ограблении придет к ним с изрядной задержкой, с трудом прокладывая дорогу в мозг, уже отвыкший от такого рода категорий. Ну а Том к тому моменту будет уже очень далеко. Строго говоря, уже сегодня вечером авиалайнер унесет его за Стену, где его никто не сможет выследить и отыскать. В тех краях затеряться, заметя следы и оборвав все ниточки – раз плюнуть.

Покончив со спальней, Том перешел в гостиную.

К хорошему привыкаешь быстро, и даже удивительно, как порой мало времени нужно человеку, чтобы вжиться в новую парадигму, обеспечивающую новый, более высокий уровень

комфорта и безопасности, и каких трудов стоит потом вернуть его обратно на грешную землю. Многие даже не пытаются перестраивать свои привычки под изменившуюся действительность и продолжают вести себя так, словно ничего и не случилось. Разумеется, отказ от использования Психокоррекции произошел не в одночасье, Лига постаралась спустить этот поезд с откоса как можно более плавно, маскируя свое фиаско под толстым слоем грима из успокоительных речей и обнадеживающих обещаний. Но, тем не менее, не на шутку напуганная публика едва не скатилась тогда в массовую панику.

Новому главе Лиги, Эдуарду Саттару, стоило немалых усилий удержать ситуацию под контролем. О его способностях ходили легенды, но даже все таланты одного, пусть и одаренного человека мало что могут поделать с безумием толпы. Именно тогда он сформировал институт Медиаторов, которые под его руководством сумели предотвратить казавшийся неизбежным взрыв и сохранить в обществе стабильность и порядок.

Том не особо разбирался во всех этих мозгоправских материях, но, насколько он смог понять, обученные Эдуардом Медиаторы не занимались прямым вторжением в мысли людей и не указывали им напрямую, что хорошо, а что плохо. Крах Психокоррекции произошел как раз потому, что «пустышки», послушно следовавшие по рельсам, проложенным в их головах, быстро утрачивали способность к само-

стоятельному критическому восприятию окружающего мира и в стрессовой ситуации начинали вести себя откровенно неадекватно, что все чаще приводило к трагическим последствиям с реальными жертвами. Одна история с «Айсбергом» чего стоит! Да, информация о развернувшейся в огромном небоскребе драме старательно затушевывалась, но и того, что просочилось наружу, хватало, чтобы понять, насколько масштабной оказалась та катастрофа.

Медиаторы же сосредоточили свои усилия на выравнивании и балансировке общего психоэмоционального фона, удерживая общество от скатывания в крайности. Их стараниями все возмущения на полотне общественных настроений и чувств быстро разглаживались и затихали, подобно мимолетной ряби на водной глади. Модераторы остужали не в меру разгорячившиеся головы, окуная их в спокойствие более уравновешенных людей, утешали горе, разбавляя его оптимизмом, позаимствованным у тех, у кого все хорошо и гасили агрессию щедрыми дозами чужого умиления от созерцания мирно посапывающих младенцев и забавных резвящихся котят. Любые предосудительные помыслы немедленно подвергались осуждению, сталкиваясь с неудовольствием общественного сознания, и растворялись без следа, как угодившая в кипяток льдинка. Том крайне смутно представлял себе принципы работы этого метода и полагал его больше шарлатанством, нежели реальным подспорьем, но неумолимая статистика утверждала, что криминогенная обстановка

и общий уровень насилия в кантонах, охваченных опекой Медиаторов, существенно снизились, опустившись до фонового уровня, обусловленного исключительно случайными инцидентами. Внедрение новой системы прошло быстро и незаметно, так что подавляющее большинство обывателей и вовсе не заметили каких-либо значимых перемен, привычно пребывая в расслабленно-инфантильном состоянии.

Такое общество чем-то напоминало аккуратно подстриженный чистенький газон, в то время, как Тому было больше по душе буйство лугового разнотравья, что царило за Стеной. И пусть некоторая непредсказуемость тамошней жизни таила в себе неизбежные сопутствующие риски, но и возможностей откупорить заслуженную бутылку шампанского она предоставляла несравненно больше.

Его рюкзак постепенно наполнялся экспроприированными ценностями и украшениями, суля в перспективе щедрый гонорар и как минимум несколько месяцев безбедного существования. Жаркое солнце, ласковое море, белоснежный песок, загорелые и на все согласные девочки в бикини...

Том поднес к свету найденный в шкатулке изящный перстень, сверкающий камень в котором очень походил на настоящий бриллиант. Да и странно ожидать, что обитатели этого дома распыляются на простые стекляшки. Было бы просто невероятным шиком подарить его какой-нибудь особо горячей девчонке! Уж всяко больше толку, чем ему вот так томиться взаперти в темнице из красного дерева. Кста-

ти, шкатулку тоже стоит прихватить – ручная работа, судя по всему. Выручить можно немало.

Коробочка с перстнем отправилась в рюкзак к остальной добыче, и Том вернулся в холл, прикидывая, где еще можно пожить. Оранжерея? Столовая? Биллиардная? Ванная комната? Хотя тут за что ни возьмись – наткнешься на кругленькую сумму. Начиная от омолаживающих лосьонов и заканчивая дизайнерскими наборами столовых приборов. Одни только сапфировые бокалы обошлись хозяевам, небось, в целое состояние.

Вот только за Стеной от подобных дорогих безделушек никакого проку. Никто их не оценит, и ни один скупщик не даст за них и тысячной доли их стоимости. В итоге Том чувствовал себя несколько нелепо, стоя в окружении груды сокровищ, когда одна дверная ручка стоит чьей-то годовой зарплаты, и понимая, что все это богатство превратится в золу, как только он вывезет его за Стену. Удивительно, как люди вываливают целые состояния за вещи, чья практическая польза порой стремится к нулю! Когда за цену одной картины в рамке из метеоритного железа можно как минимум месяц кормить и отапливать небольшой город! А тут такими пейзажиками все стены увешаны!

Нельзя сказать, чтобы Том являлся истовым борцом за свободу, равенство и прочее братство, но те перекосы, с которыми он сталкивался, определенно нуждались в исправлении, и он, в меру своих скромных возможностей, старался

этому способствовать.

Он прошел по коридору в заднюю часть особняка и вышел на улицу к бассейну, окруженному цветущим садом. Ну вот, пожалуйста. Там, где Том вырос, чистая питьевая вода ценилась чуть ли не на вес золота, а здесь пара богатеньких старичков может хоть каждый день плескаться в нескольких цистернах жидкой драгоценности. А скажи им кто – будут делать большие удивленные глаза и восклицать: «но мы же не знали!».

Со временем такие люди начинают искренне верить в то, что их богатство и благополучие абсолютно естественны и заслужены, даже не задумываясь о возможности существования какой-то иной жизни. Как Мария Антуанетта, предлагавшая питаться пирожными голодающим крестьянам. Свозить бы их на экскурсию за Стену, а еще лучше – дать им пожить там месяцок-другой. Глядишь, и образумились бы немного, ну а пока приходится наводить справедливость вот так, вручную.

В конце концов, стараниями Тома многие его соплеменники смогут поправить свое материальное положение, а то и избежать голодной смерти. Так что его действия вполне можно квалифицировать как благое дело. А местным богатеям особо не убудет, как-нибудь переживут.

Том некоторое время наблюдал за роботом, плавно скользящим вдоль края бассейна и вылавливающим из воды залетевшие туда листья, пока не поймал себя на мысли, что,

вспоминая о мутной и вонючей грязи, в которой он бултыхался сам, когда был мальчишкой, ему хочется отвесить железному болвану крепкого пинка. Он резко развернулся и от греха подальше ушел обратно в дом, но это не помогло ему скрыться от собственного раздражения.

Вот чем, скажите на милость, эти люди заработали себе право на такую роскошную жизнь? Они с риском для жизни горбатились в шахте, стирая руки до кровавых мозолей? Прокладывали магистраль через джунгли, стоя по пояс в болотной жиже и облепленные москитами? Трудились на сейнере, сбиваемые с ног перекачивающими через палубу ледяными волнами? Чем?

Их изнеженные руки, небось, и молотка-то никогда не держали, доверяя всю тяжелую, грязную и опасную работу послушным и исполнительным роботам. И это по-своему даже необходимо – изъять у них часть откровенно незаслуженного благополучия и передать его тем, кто в нем нуждается больше.

Том решительно направился в кабинет, решив поскорей закончить свои дела здесь и убраться восвояси, чтобы не чувствовать на себе гнетущего давления окружающей роскоши и чужого богатства. Когда его внезапно разжившиеся деньгами соотечественники начинали сорить ими направо и налево, выдумывая все более кричащие и нелепые способы продемонстрировать окружающим свое превосходство, ничего, кроме брезгливой жалости у Тома они не вызывали.

Но здесь, где каждый латунный гвоздик в обивке кресла буквально источал стиль и породистость, обходясь без эпатажа и ненужной крикливости, где люди не кичились своим успехом, не набивали жилище дорогими и элитными побрякушками, чтобы кому-то что-то доказать, а просто так *жили* – здесь он начинал чувствовать себя крайне неуютно. Как человек, вломившийся в стерильную операционную в облепленных грязью сапогах.

Он остановился перед большим аквариумом, глядя на рыбок, снующих в его глубине. Вот они, например, не виноваты же в том, что живут в чистой воде, которой тут не меньше полутонны, в то время как где-то целые деревни вымирают от многолетней засухи. И в легендарной фразе французской королевы, по большому счету, отсутствовали презрение или насмешка – она совершенно искренне не представляла, что может существовать какая-то иная жизнь, нежели та, к которой она привыкла с детства.

Так что да, люди – не рыбки, но ставить им в вину лишь то, что им повезло родиться по эту сторону Стены, все же неразумно. Как знать, быть может, хозяева дома свое на безбедное существование тоже заработали? Почему бы им не быть выдающимися учеными или талантливыми нейрохирургами? Ведь не все заслуги можно измерить в натертых мозолях и ведрах пролитого пота.

Тут уж, скорее, сам Том заслуживает осуждения, поскольку за свою жизнь ничего стоящего не создал и лишь... кхм...

перераспределял изъятое у других. Да и про себя не забывал, чего уж там...

Конечно, кому-то в жизни везет больше, кому-то меньше, стартовые условия у всех разные, и дисбалансы так или иначе неизбежны, но он, вместо того, чтобы, засучив рукава, трудиться над их выравниванием, улучшая мир своим созидательным трудом, избрал роль паразита, присосавшегося к чужим свершениям. А все его оправдания – жалкий лепет, порожденный элементарной завистью и нетерпимостью неудачника по отношению к тем, кто *лучше*.

Раздраженным рывком Том перевернул рюкзак и вытряхнул все его содержимое на пол прямо посреди кабинета. Украшения и милые безделушки раскатились в стороны, поблескивая в пробивающихся через жалюзи лучах солнца. С каждой из них у хозяев, возможно, были связаны какие-то воспоминания, запоминающиеся мгновения жизни, свидания, путешествия... Он же видел в них лишь возможность легкой наживы, да еще способ самоутвердиться, проучив доверчивых зазнаек и хоть ненадолго спустив их с небес на землю.

И, кстати, зачем на этом останавливаться, можно свое эго еще как-нибудь потешить. Плунуть им в чайник, например – «подвиг» как раз его уровня. Уровня обезьяны, только вчера спустившейся с дерева.

Том отступил назад и рухнул в массивное кресло, стоявшее около письменного стола. Его душу захлестнуло отвра-

щение к самому себе, опустившемуся так низко. Будучи ленивым, безвольным и слабым, он не смог сам выбраться из болота нищеты и убожества, и тогда начал мстить тем, кто, проявив настойчивость и усердие, сумел подняться над серой массой и достичь абсолютно заслуженного процветания. Ползая в грязи, подобно червяку, и не имея возможности подняться, он пытался низвести других до своего уровня, макнув их носом в бурую жижу, хоть на миг, но возвыситься над ними в своем извращенном воображении.

Ведь точно такая же пропасть, какая отделяет первобытную обезьяну от современного человека, отделяла Тома от цивилизационных вершин, достигнутых жителями этого поселка. Но он, вместо того, чтобы смиренно взирать на них снизу вверх, с каждым своим вдохом, с каждым ударом сердца стремясь хоть на волосок приблизиться к их идеалу, мог только гадить, гадить, гадить...

Том уставился на свои руки так, словно впервые их видел. Как он мог... как он осмелился прикасаться этими грязными лапами к чужим вещам, лезть ими в шкафы, ящики, рыться в белье и документах!? Это же почти то же самое, как забраться в чужую душу, оскверняя и калеча ее своими уродливыми и низменными помыслами! Та боль, что он причинил ни в чем не повинным жителям дома, будет терзать и мучить их еще долгие годы и, возможно, уже никогда полностью не забудется. Никакое наказание, никакие раскаяния и мольбы о прощении не смогут стереть память о том оскорблении, что

он им нанес.

И даже если эти прекрасные и великодушные люди когда-нибудь смогут даровать ему свое прощение, их милосердие не спасет Тома, поскольку он-то сам себя ни за что не простит. До самого конца жалкой и никчемной жизни ему суждено возносить небесам покаянные молитвы и пытаться хоть чем-то загладить свою тяжкую вину.

Том шмыгнул носом и, смахнув набежавшую слезу, достал из кармана телефон и набрал номер ближайшего полицейского участка.

* * *

Я остановил квадроцикл на самом краю обрыва так, что мелкие камешки посыпались вниз, к кромке прибоя. Подождав, пока осядет поднятая пыль, я стянул с лица защитную маску и полной грудью вдохнул соленый морской воздух. Мне хотелось надышаться им про запас, чтобы потом, дома, потихонечку цедить его как дорогой коньяк, закрыв глаза и вспоминая проведенные здесь, на побережье дни.

Сколько бы меня не заверяли, что при полном погружении в Вирталию возможно воспроизвести абсолютно любые ощущения, я ни за что не поверю, что симуляция сможет столь же достоверно передать это невозможное сочетание холодных брызг на лице, упругих порывов ветра, треплющего выбившуюся рубашку, и плотной влажной духоты, что предве-

щала скорый приход грозы. Впрочем, дайвинты, запершиеся в своих виртуальных вселенных, меня все равно не поймут. За последние годы мир здорово изменился, и я все чаще ловил себя на мысли, что превращаюсь в вечно брюзжащего старикана, которого раздражают все новомодные штучки. Возможно, время таких, как я, уже безвозвратно прошло, и мне следовало тихонько отойти в сторону, чтобы не угодить под колеса прогресса. Но, черт подери, никто не может запретить мне получить еще одну дозу кайфа, промчавшись на квадроцикле по пыльной степи.

Поначалу я воспринял предложение отправиться в командировку за Стену не то, чтобы без особого энтузиазма, а просто с ужасом. Мне целую неделю пришлось глотать успокоительные пилюли, и даже помощь Киры приносила лишь временное облегчение. Однако, несмотря на все мои старания, мне так и не удалось найти приемлемого выхода из ситуации. Перед компанией маячила вполне реальная перспектива финансового краха, и давно обещанное производство требовалось запустить немедленно. Для такой миссии требовалось уникальное сочетание знания тонкостей технологии и серьезных административных полномочий, так что моя кандидатура подходила как нельзя лучше.

Пришлось отправляться.

Мои сборы чем-то напоминали прощание с человеком, отправляющимся на казнь. И без того ни одна неделя не обхо-

дилась без новых леденящих кровь историй из-за Стены, а когда я начал целенаправленно изучать всю доступную информацию, то быстро потонул в потоке ужаса и негатива. Иногда складывалось впечатление, что по ту сторону обитают сплошь кровожадные дикари, убивающие друг друга по поводу и без, и устраивающие натуральную охоту на любого белого человека, которого нелегкая занесла в их края.

В день отъезда Кира не скрывала слез, а в аэропорту, взглянув на бледные лица двух моих сотрудников, командированных вместе со мной, я увидел в их глазах точно такое же ожидание неотвратимой смерти, какое наблюдал утром в зеркале. Внутренне все мы были уже готовы к тому, что командировка окажется билетом в один конец.

Но, вопреки опасениям, центральный аэропорт Каспийского сектора принял нас вполне дружелюбно. Да, ему не доставало организационного совершенства и лоска домашней гавани, но и впечатления дымящихся руин он отнюдь не производил. Нас уже ожидал Володя – улыбчивый представитель «Тарпан Изотоп», который в отсутствие привычных роботежек помог нам с чемоданами и, загрузив в небольшой микроавтобус, всего за час с небольшим доставил нашу делегацию на место.

Мне кажется, он откровенно забавлялся, наблюдая за тем, как мы с перекошенными от внутреннего напряжения физиономиями всматриваемся в окна, в любой момент ожидая какой-нибудь пакости. Но время шло, на удивление ровная

дорога продолжала бежать под колеса, никакие баррикады и блокпосты не перегораживали нам путь, никто со стрельбой и улюлюканьем не бросался за нами в погоню, и мы постепенно начали отходить. Судя по всему, реальная жизнь за Стеной все же несколько отличалась от ужасов, демонстрируемых новостными каналами.

Немного расслабившись, я начал активно крутить головой по сторонам, жадно впитывая мельчайшие подробности чуждого мира. Казалось бы – всего час лета на гиперджете, и попадаешь чуть ли не на другую планету.

Чередой относительно недавних конфликтов и последующее размежевание на отдельные технокультурные зоны привели к тому, что значительная часть планеты оказалась отброшена на периферию цивилизации. В пограничных областях на стыках основных секторов население стремительно деградировало, откатившись к феодальному, а кое-где и к рабовладельческому состоянию. Но местами людям удавалось сохранить вполне пристойный уровень жизни, по мере сил и возможностей встраиваясь в экономику ближайшей могущественной метрополии. В итоге технологический прогресс и эволюция общества в соседних секторах зачастую двигались совершенно различными и непересекающимися путями, что иногда приводило к занятным последствиям.

Взять, к примеру, автобус, на котором нас везли. У нас дома весь транспорт уже лет десять-пятнадцать как полностью перешел на автопилоты, и в подавляющем большинстве

автомобилей какие-либо органы управления отсутствовали как класс. На многие магистрали машинам с ручным управлением выезд был в принципе запрещен. Немногочисленные любители самостоятельно крутить баранку превратились в такую же обособленную группу слегка чокнутых, как, скажем, филателисты. Ведь бумажных писем уже сто лет как никто не пишет, а собиратели почтовых марок и поныне живее всех живых.

Для таких вот ненормальных некоторые производители выпускали ограниченные партии машин с традиционными рулем и педалями. Стоили они, как и любой эксклюзивный товар, неприлично дорого и продавались только в нескольких специализированных салонах. У меня в гараже томился один такой экземпляр – эффектный красный родстер со складной крышей, выгуливать который мне удавалось до обидного редко.

И, словно перечисленных проблем им казалось мало, законодатели постоянно вносили все новые и новые поправки в правила, с каждым годом оставляя все меньше пространства для таких охочих самостоятельно порулить, как я. Водительская лицензия, экзамены, которые приходилось то и дело пересдавать, совершенно грабительские ставки по страховке – автолюбителей-ретроградов планомерно сживали со света, превратив управление собственным автомобилем в экстравагантное развлечение для богатых, сделав из него новый символ аристократичности. Раньше толстосумы

перемещались, на заднем сидении лимузина, управляемого персональным шофером, но, поскольку развитие автоматического транспорта очень быстро сделало такой шик доступным для всех, причуды моды вынудили их самих занять водительское место. Таким образом личный автомобиль повторил путь, пройденный когда-то лошадьми, отступив в нишу дорогого и хлопотного хобби.

Здесь же, насколько я мог судить, почти все машины управлялись по старинке – ручками и ножками. Вот и подвозивший нас молодой человек расслабленно придерживал руль двумя пальцами, активно жестикулируя второй рукой в процессе ответов на наши вопросы. И на миллионера он при этом совершенно не походил.

Такие мутации модных веяний случались и раньше, например, когда утонченную бледность в роли атрибута принадлежности к элите сменил подтянутый загар. И сейчас, выбравшись за Стену, где время текло в несколько ином темпе, ты словно попадал в прошлое со всеми его уже забытыми ценностями и символами, отчего иногда приключались такие вот забавные случаи когнитивного диссонанса. Я даже подозревал, что если забраться подальше в глушь, то и навыки верховой езды вполне могут оказаться к месту...

В нагрудном кармане куртки ожила и захрипела рация.
– Олег Викторович, вы меня слышите? Где Вы? – Володя, которого приставили к нам в качестве няньки, старался ни-

когда не упускать своих подопечных из виду.

– На побережье, прибоем люблюсь.

– Замечательно! Но я бы рекомендовал Вам поскорее вернуться. Надвигается нешуточная гроза, и оставаться в такую погоду на открытой местности небезопасно.

– Вас понял, скоро буду.

В последний раз бросив взгляд на беснующиеся внизу волны, я с неохотой развернул квадроцикл и погнал его обратно к фабрике, чьи бесчисленные огни на фоне темнеющего свинцового неба выглядели как звездное скопление. Через минуту я выбрался на протянувшуюся вдоль берега дорогу и поддал газу, наслаждаясь последними мгновениями дикой свободы перед скорым возвращением домой.

Где я там смог бы вот так запросто взять и поехать кататься на квадрике? Только по выделенным дорожкам в одном-двух парках, напялив ярко-оранжевые жилет и шлем, аккуратно соблюдая скоростной режим улитки-пенсионера и рискуя нарваться на штраф за малейшее отклонение от разрешенного маршрута. Неудивительно, что желающих «развлечься» подобным образом находилось немного, от простой пробежки адреналина и то, пожалуй, больше получаешь.

Здесь же, за Стеной, человеку предоставлялась практически полная свобода, обратной стороной которой, впрочем являлся тот факт, что забота о безопасности также полностью ложилась на его собственные плечи, и тяжелая кобура с пистолетом на правом боку недвусмысленно об этом напо-

минала. Володя, конечно же, заверил меня, что оружие может понадобиться разве что бродячих собак отгонять, но поначалу я немного струхнул и хотел даже отказаться от выезда за территорию, но потом все же решил рискнуть. И не прогадал. Обнажать ствол мне так ни разу и не пришлось.

Руки сами вели машину по уже привычному маршруту, а я тем временем перебирал в уме те нелепые стереотипы, касавшиеся жизни за Стеной, что оказались разрушены за время моей относительно недолгой командировки.

Довольно скоро я понял, почему руководство компании перенесло все исследовательские работы и отработку новых технологий в расположенные здесь филиалы. Да, местные жители крайне беспечно относились ко всему, что относилось к технике безопасности и соблюдению установленных норм и правил, однако именно такой подход и давал им возможность выходить за привычные рамки, создавая нечто новое, прорывное, революционное. Нередко их энтузиазм, их любопытство приводили к печальным и даже трагическим последствиям, но, как говорится, не разбив яйца, не пригостишь омлет, не так ли?

То, как здешние технологи подходили к делу, меня порой откровенно пугало, и я на всякий случай заранее изучил, где находятся штатные огнетушители и эвакуационные выходы. Тем не менее, я не мог не признать, что они умеют добиваться требуемого результата, пусть даже ценой новых пятен химических ожогов на руках и ворохом проеденных

кислотами лабораторных халатов. Такую методологию я называл «эффективная безалаберность» и просто позволил событиям идти своим чередом, втайне надеясь, что до жертв и разрушений дело все же не дойдет. Химические ожоги, как ни крути, все не так страшны, как лучевые.

Работа с таким коллективом также напоминала путешествие в прошлое, где мы смешивали марганцовку с алюминиевой пудрой, после чего устраивали спринтерские забеги, спасаясь от разъяренных соседей, чьи вопли еле пробивались через стоящий в ушах звон от взрыва самодельной педарды, а вечером еще сочиняли различные оправдания обгорелым дырам в одежде. Здесь люди не боялись экспериментировать, пробовать разные, подчас идиотские решения, не боялись неудач. Это выгодно отличало их от наших домашних технарей, выглядевших на их фоне как постылый плетущийся по проложенным рельсам трамвай рядом с брутальным внедорожником, так и норовящим забраться в самую непролазную грязь.

Наши доморощенные «специалисты» все больше напоминали мне детей, что не наигрались в кубики, и продолжающих городить громоздкие и бессмысленные замки из стандартных блоков, будучи не в силах выйти за рамки заученных стереотипов. А ежели перебор всех доступных вариантов не помогал, они просто задирали лапки кверху, смиренно признавая свое поражение. Реальные открытия и изобретения, как я понял, уже давно перебрались за Стену вместе

с производством и сопровождающим его персоналом. Дома же все свелось к простому и бездумному воспроизводству решений, найденных кем-то другим. В лучшем случае, наши умельцы могли добиться более-менее приемлемого результата в лабораторных условиях, но вот масштабировать его до уровня полноценного промышленного производства раз за разом оказывалось выше их сил.

Руководство компании до последнего сопротивлялось неизбежному – никто по доброй воле не станет делиться своими секретами – но в конце концов вынуждено начало передавать часть производственных процессов сторонним организациям, основная масса которых базировалась за Стеной, в приграничных секторах. Моя командировка фактически явилась своего рода признанием сдачи еще одного бастиона, павшего под грузом деградации научной и инженерной школ. Все самое передовое и инновационное теперь создавалось здесь, в прикаспийской степи людьми, чей энтузиазм, помноженный на изрядный заряд авантюризма, позволял находить решения, гениальность которых порой граничила с чистым безумием.

У меня закрадывалось подозрение, что такая разница между подходами к работе наших и местных специалистов может объясняться в том числе и влиянием Медиаторов. Не исключено, что они, выравнивая баланс эмоций и страстей, помимо них захватывают еще и кое-какие побочные материалы, вроде вдохновения или интуиции. Ведь подобные оза-

рения тоже могут казаться яркими вспышками, резко выделяющимися на общем фоне, и автоматом попадать под асфальтовый каток Медиации. Иначе как объяснить, почему здесь люди, их образ мыслей и манера действовать напоминают горячую и жгучую энчиладу в сравнении с той пресной манной кашей, что творится дома?

Такая жизнь, полная неопределенностей и риска, приятно щекотала нервы и заставляла сердце биться чаще, но, сказать по правде, я не уверен, что смог бы работать в таком режиме достаточно долго. С возрастом шкала жизненных ценностей претерпевает неизбежные изменения, и эпизодические дозы адреналина только сильнее оттеняют тепло и покой домашнего уюта. Я, конечно еще не настолько стар, чтобы переходить на питание жидкой кашицей, но после двух недель ударного труда «в поле», думаю, заслужил право на отдых. Да и по Кире я уже соскучился.

– Олег Викторович, Вы далеко? – снова захрюкала рация.

– Уже подъезжаю к воротам.

– Из аэропорта сообщили, что гиперджет готов, и, если поторопиться, то можно успеть вылететь до начала грозы. Иначе потом начнется пыльная буря, и все рейсы придется отменить как минимум до завтра.

– У меня все вещи собраны, я буду готов через десять минут.

– Отлично, тогда я вызываю автобус к проходной.

– Да, спасибо!

– Вы там про нас не забывайте, мы будем ждать от Вас весточек.

– Забудешь вас, как же! – я нырнул в арку ворот, махнув рукой дежурившему охраннику, – если так и дальше пойдет, то мне вообще сюда к вам переехать придется.

– Ну и замечательно! – у Володи замечательно обстояло почти все и почти всегда, – в чем проблема?

– Боюсь, жену уговорить будет не так-то просто.

– Ничего, в следующий раз привозите ее с собой – вместе мы ее быстро переубедим.

– Ладно, попробую, – я остановил квадроцикл перед подъездом жилого корпуса и спрыгнул на землю, – все, я на месте, побежал собираться. Еще увидимся!

* * *

Утро воскресенья воспринималось Юлией как маленький оазис, тихий островок среди бушующего океана суматохи будней. В этот день ее семье выпадала редкая возможность собраться за завтраком в полном составе. С тех пор, как отец передал бразды правления Лигой своему брату, у них, конечно, стало существенно больше свободного времени, но вот прочие домочадцы словно специально избегали слишком часто пересекаться с ними и друг с другом.

Андрюшка всю неделю почти безвылазно пропадал в колледже, а домой забегал только для того, чтобы быстренько

перекусить и тут же нырнуть в Вирталию. А Алан, глава семейства, был настолько сосредоточен на работе, что иногда даже ночевать не приезжал, проводя в офисе сутки напролет.

Должность ведущего дизайнера корпорации «Техноскейп» требовала от него полной самоотдачи и, подчас, даже жертв, но Алан не жаловался. Ему нравилось амплуа первопроходца, его привлекала и будоражила возможность заглядывать вперед дальше других, придумывать и создавать нечто, на что до него никто не осмеливался. А иначе он бы и не смог занять столь высокий пост. Сотворение величайшего в истории виртуального мира требовало неординарных людей и нестандартных подходов, предоставляя взамен поистине неограниченные возможности для творчества и самовыражения. В некотором смысле, Алан приходился Вирталии кем-то вроде... Бога.

Хотя внешне он ничуть не походил на того седовласого бородатого старика, каким Творца изображают на картинках. Скорее наоборот, в облике Алана проступало что-то... демоническое. Черные как смоль гладкие волосы, худое лицо с отливающими синевой после бриться щеками и острыми как скальные утесы скулами, плюс возвышающийся над ними горный пик большого носа, который он теребил всякий раз, когда впадал в задумчивость. Должно быть, там у него размещался резервный отдел мозга, нуждающийся в регулярной стимуляции. До полного соответствия каноническому образу Мефистофеля Алану не доставало разве что ак-

куратной черной бородки, да еще надменной высокомерности, поскольку он до сих пор оставался в значительной степени все тем же увлеченным и непоседливым мальчишкой.

Разумеется, в решение столь масштабной задачи, как создание целой искусственной вселенной, оказывались вовлечены тысячи специалистов – художники, архитекторы, программисты. Кроме того, целая армия испытателей денно и нощно обшаривала самые далекие и глухие закоулки создаваемого мира в поисках нестыковок, огрехов и ляпов. Каждая новая подготовленная для включения в Вирталию локация обязательно подвергалась всестороннему тестированию, выявлявшему оставшиеся недочеты и генерировавшему постоянно ширящийся список предложений и пожеланий на будущее.

Тем не менее, несмотря на наличие целой армии профессиональных и опытных экспертов, Алан всегда очень внимательно прислушивался к мнению собственного сына – маленького добровольного испытателя, в своей детской непосредственности порой подмечавшего те нюансы, что ускользали от замыленного взгляда его взрослых коллег.

Однако по мере расширения Вирталии, а тем более с появлением «Дайвирта» – нейроимпланта, позволявшего обеспечить абсолютно полное погружение человека в виртуальный мир с передачей всей гаммы ощущений и чувств, менялось и отношение Алана к увлечению сына. Он категори-

чески запретил Андрею даже думать о вживлении импланта, а без него парень при всем желании не мог в полной мере оценить все тонкости виртуального дизайна. Так что к его советам Алан прислушивался все реже, и конфликты на этой почве вспыхивали между ними с удручающей регулярностью.

Вот и сегодня...

Несмотря на свои обширные властные полномочия и тот факт, что именно ее оценками и рекомендациями нередко руководствовался Совет Лиги, дома, в кругу семьи, Юлия Саттар оставалась в первую очередь любящей женой и заботливой матерью. И, как любой матери, ей хватило одного взгляда на то, как Андрей ковыряет вилкой в тарелке, чтобы понять, что ее сына что-то беспокоит.

– Что случилось, Андрюш?

– А? – встрепнулся парень, словно очнувшись, – да нет, все нормально.

– Эй! Посмотри-ка на меня! – вилка Алана застыла в воздухе, нацелившись на сына.

– Зачем? – Андрей только ниже склонился над тарелкой.

– Затем, что я так сказал! Посмотри на меня!

– Ну и? – мальчишка с вызовом уставился на отца, то и дело моргая покрасневшими от недосыпания глазами.

– Опять всю ночь в Вирталиии шлялся, – Алан недовольно поджал губы, – сколько раз тебе говорить...

– Нисколько! – огрызнулся Андрей, – я уже не маленький

в конце концов!

Юлия только вздохнула, предчувствуя очередной раунд семейных разборок и прекрасно осознавая, что стоит ей вмешаться, как конфликтующие стороны, позабыв про свои распри, немедленно ополчатся на мать за то, что она лезет не в свое дело.

– Но если ты такой взрослый, что почему никак не поймешь, что нельзя бесконечно подменять реальную жизнь виртуальной фальшивкой!?

– Какого черта тогда ты сам потратил на создание этой «фальшивки» столько лет жизни? Для кого старался?

– В том числе и для тебя! Но не ради того, чтобы ты бессмысленно прожигал в Вирталии свои лучшие годы, а ради того, чтобы заработать достаточно денег и дать тебе возможность реализовать себя в чем-то серьезном, чем-то настоящим!

– По-твоему, Вирталия – это несерьезно? Да в ней вполне можно несколько почти настоящих жизней прожить! Ярких и интересных, не то что эта, – Андрей кивнул в сторону залитого солнцем окна.

– Здравсьте, приехали! – Алан отодвинул пустую тарелку, – для тебя что, нет совершенно никакой разницы между оригиналом и дешевой подделкой?

– А не все ли равно, если эта самая «подделка» – лучше?

– Да, согласен, у нее яркая и привлекательная обертка, но внутри, если покопаться – пустота. Всего лишь дешевый за-

менитель реальности для тех, кто не может позволить себе полноценную, настоящую жизнь, – глава семейства обвел руками окружающую обстановку, словно пытаясь объять своим жестом весь особняк с прилегающим поместьем и набережной, – но ты-то, слава Богу, не обделен! Зачем опускаться до убогого эрзаца?

– Да потому что в Вирталии я могу быть тем, кем захочу, а не тем, кем мне предписано родословной! Здесь я зажат в тесные рамки глупых стереотипов и безнадежно устаревших представлений о прекрасном, а там я – свободен!

– На досуге как-нибудь поинтересуйся у своих виртуальных соратников, – улыбнувшись, Алан взял дымящуюся чашку и сделал глоток кофе, – что бы они предпочли, будь у них выбор – сохранить такую вот мнимую свободу или оказаться на твоём месте, пусть даже ценой пожизненного отказа от виртуальных приключений? Думаю, их ответы слегка тебя отрезвят.

– Вот уж вряд ли! – хмыкнул Андрей, но в его глазах отец увидел маленькую искорку сомнения, – имей они такую возможность, они в реальность и не возвращались бы вовсе! Зачем?

– Именно!

– Именно... что?

– В том-то все и дело, что у них, в отличие от тебя, в этом мире нет ничего такого, ради чего стоило бы возвращаться из Вирталии. Компьютерная симуляция им настоящую жизнь

заменяет, тогда как для тебя она является лишь приятным дополнением, приправой к ней. Они погружаются в виртуал в поисках того, чего не могут получить иным образом, чтобы хоть так удовлетворить свои стремления. Это как, – Алан покрутил головой по сторонам в поисках подходящей аналогии, и его взгляд упал на пустые тарелки, – как дешевая синтетическая лапша с мясным вкусом вместо настоящего бифштекса. Когда у тебя имеется возможность слопать полноценный стейк – ты в ее сторону даже не взглянешь. Но ты с упорством, достойным лучшего применения, продолжаешь прожигать свои лучшие годы в бессмысленных симуляциях.

– А мне нравится лапша, – пожал плечами мальчишка, – что в этом предосудительного?

– Способность довольствоваться малым – похвальна, – осторожно кивнул отец, – хуже, когда она перерастает в удовлетворенность. Если ты вполне доволен теми жалкими крохами, что тебе перепадают, то лишаешься стимула добиваться большего. Ты останавливаешься, а потом начинаешь сползать вниз, раз за разом опуская планку приемлемого. Я бы не хотел, чтобы ты пошел по этому пути. Не хочешь деградировать – стремись вперед и вверх, ставь перед собой новые, все более амбициозные цели!

– И чем тебя с этой точки зрения Вирталия не устраивает? Там возможностей для совершенствования – масса!

– Тем, что ровно такие же возможности доступны любому человеку с улицы! И сложность достижения новых уров-

ней адаптируется под способности конкретного игрока с тем, чтобы не утруждать его слишком сильно. Иначе он быстро утратит интерес и покинет игру. Там каждый вполне может увешать свои виртуальные стены такими же виртуальными трофеями и наградами, что и у тебя. Ты в любом случае не сможешь прыгнуть выше потолка, определяемого настройками системы. А если твое достижение с минимальными затратами усилий может повторить любой встречный, то в чем тогда его ценность? Коли на соревнованиях совершенно одинаковые медали выдают всем, кто пробежал стометровку быстрее 15 секунд, то ценность такой награды – ноль! Потому-то я и утверждаю, что Вирталия – одна большая пустышка!

– Хорошо, допустим, – неохотно согласился Андрей. Все же подростку сложно всерьез противостоять в споре подготовленному взрослому человеку с аргументированной позицией, – но чего тогда, по-твоему, в этом мире осталось реально стоящего? Ради чего стоит жить?

– Уж во всяком случае, не ради самообмана, – Алан поставил пустую чашку на стол, – для того, чтобы двигаться вперед, человеку нужны цели, заставляющие его сосредоточиться, напрячься, стать сильнее и лучше. Подменяя их картонной имитацией, ты никогда ничего не добьешься. Ты не завоюешь сердце девчонки, обклеив дверь своей спальни ее фотографиями и предаваясь в темноте влажным фантазиям.

– Алан! – недовольно осадил его Юлия.

– Что не так? – отец развел руками, – он же сам говорил, что уже не маленький!

– Ты не мог бы придумать какой-нибудь другой пример?

– Сойдет и этот, тем более что провокационные образы лучше запоминаются, – Алан снова повернулся к сыну, – кроме того, существующие сервисы позволяют заказать синтетика с внешностью своей пассии и развлекаться ним всеми мыслимыми способами, а в Вирталии сконструировать себе партнера на любой вкус – вообще не проблема, но можно ли это считать достижением? Считать победой в полном смысле этого слова?

– Ладно, я все понял, – буркнул Андрей, – вывод-то какой?

– Не опускать планку. Не соглашаться на подделку, когда ты можешь позволить себе подлинник. Не потакать своим комплексам и слабостям, а бороться с ними и побеждать! Судьба предоставляет тебе редкую возможность жить настоящей жизнью, так не прозевай ее, иначе ты ничем не будешь отличаться от той толпы неудачников, коими кишат виртуальные просторы, – Алан начал загибать пальцы, – зачем тебе симуляция автогонок, если ты можешь позволить себе гонять по настоящему треку? К чему тебе симулятор спецназа, когда в твоём распоряжении реальное стрельбище? Армия компьютерных рабов никогда не заменит настоящей, живой прислуги. Настоящий аквабайк, настоящий коптер... И так во всем – за что ни возьмись, у тебя всегда есть выбор между

дешевой имитацией и неповторимым оригиналом. Неужели его настолько сложно сделать? Неужели так трудно определиться, кто ты есть – Человек с большой буквы или еще одна жалкая безликая букашка без роду и племени?

– То есть Человек – это тот, у кого просто больше денег? – съязвил мальчонка и поспешно умолк, испугавшись собственной дерзости.

– Андрей! – Юлия резко выпрямилась, сама встревоженная возможной реакцией отца.

– Я не это имел в виду, – неожиданно спокойно отозвался Алан, миролюбиво подняв руки перед собой, – получив свой Шанс, ты либо используешь его на все сто, либо спустишь в унитаз – вот в чем принципиальная разница. Именно это отличает Победителя от обитателя трущоб.

– Пусть так, но если я даже в лепешку разобьюсь, мой ак-вабайк не превратится в джет для гравислалома! Мне никто и никогда не доверит командование эскадрой планетарных бомбардировщиков, ибо их в вашей настоящей реальности попросту не существует! Я в жизнь не смогу построить своей Империи, покоряя страны и народы и заставляя их присягать мне на верность! Чем ты предлагаешь мне все это компенсировать? Осознанием того, что моя теннисная ракетка, хоть и не позволяет выполнять оверсплиты и дабл-флекссы, но зато – *настоящая*? И, вдобавок, дорогая. Да надо мной даже смеяться никто не будет, к убогим обычно не испытывают ничего, кроме жалости!

– Никакой гипертензии не передаст всю гамму ощущений от настоящей игры – хруст гравия, глухое гудение летящего на тебя мяча, упругая отдача от хорошо исполненного удара...

– Ой, да брось! – Андрей в возбуждении вскочил на ноги, энергично жестикулируя, – последняя модель «Дайвирта» позволяет испытать все то же самое и даже больше! Ярче! Насыщенней! Не говоря уже о виртуальных эскортессах, об искусности и изобретательности которых их живым соперницам остается только мечтать...

– Андрей... – негромко процедила Юлия сквозь плотно сжатые губы.

– Ну, так говорят, по крайней мере, – мальчишка, густо покраснев, плюхнулся обратно на стул.

– Вот, кстати, одна из причин, почему я категорически против вживления импланта. Такие вот гипертрофированные эмоции, что он генерирует, вполне могут выжечь нервную систему, особенно если речь идет о подростке. После чего, разумеется, окружающая действительность будет казаться блеклой и пресной.

– Я пытаюсь сказать, что виртуальные переживания не только интересней и увлекательней! Дело еще и в том, что для многих из них в реальном мире просто не существует полноценных аналогов, либо они оказываются далеко за рамками существующих ограничений, налагаемых законами и банальными нормами приличий! Тут уж, как ни выкручи-

вайся, а вариантов немного – либо ныряй в Вирталию, либо сиди в сторонке и облизывайся. А ты именно это мне и предлагаешь!

– И правильно делает! – поддержала Юлия своего супруга, – не хватало еще тебе всякими извращениями забавляться!

– Ну почему же сразу извращения!? – Андрей даже застоялся, наткнувшись на очередную стену родительского непонимания.

– Если не они, то что тогда?

– Да что угодно, взять хотя бы... – парень запнулся, слегка растерявшись перед необъятностью вставшей перед ним задачи, – каким образом, к примеру, я смогу испытать в реальности то чувство торжества, что охватывает тебя, когда ты стоишь над бездыханным телом поверженного тобой врага?!

– «Крушить врагов, видеть их поработоченными, слышать крики и стоны их женщин!» – усмехнулся Алан.

– Именно так! Никакой трек, стрельбище или боксерский спарринг не обеспечат и малой доли той невероятной гаммы чувств и эмоций, что я могу пережить... там.

– Тоже своего рода извращение, по-моему, – буркнула Юлия.

– А как ты воспроизведешь слабость, охватывающую все тело, когда ты едва-едва избежал верной гибели и только чудом остался жив, в последний миг зацепившись пальцем за край пропасти? Чем заменишь сладость давно планировав-

шейся и, наконец, осуществленной мести? Каким образом сможешь воспроизвести экстаз, испытываемый при виде ревущей армии твоих последователей, готовых пойти за тобой хоть на край света, хоть в ад? Ведь в реальности ты такое и за все деньги мира не купишь! А в Вирталии люди черпают это богатство чуть ли не ложками! Разве не так?

Помрачневшее лицо Алана однозначно свидетельствовало, что хорошего ответа на заданный сыном вопрос у него нет. Его же собственное детище, Вирталия, неожиданно обернулось против своего создателя и нанесло весьма болезненный удар под дых. Он всегда считал ее игрушкой для бедных, ищущих в ней забытие от серых будней, но, сам того не желая, увлекся и создал нечто большее. И теперь Вирталия вполне серьезно угрожала забрать у Алана его собственного ребенка.

– Строго говоря, – заговорил он, наконец, – любые эмоции сводятся к банальной биохимии. Весь спектр испытываемых человеком чувств формируется разными сочетаниями дофамина, серотонина и прочих гормонов. Вопрос лишь во внешних стимулах, заставляющих организм их вырабатывать. Подбери соответствующий ключ – и ты сможешь испытать все, что угодно. Нет никакой необходимости сверлить для этого дырку в черепе и засовывать себе в мозг коробку с проводками. Существует масса способов...

– Вот и отлично! – Андрей поднялся, давая понять, что на сегодня дискуссия окончена, – ничего не имею против тво-

его подхода. Когда у тебя на руках будут готовые коктейли вроде «горячка боя», «пылкая влюбленность» или, скажем, «самоотверженная преданность» – я с радостью помогу тебе их опробовать. Ну а пока, за неимением лучшего, буду довольствоваться *дешевыми подделками*. К ужину не ждите.

Мальчишка развернулся и вышел из столовой, оставив родителей наедине с их невеселыми мыслями.

– В наше время, – вздохнул Алан, – мы хотя бы знали, где заканчивается игра и начинается реальность. А сейчас все так перепуталось...

– Пустыми воспоминаниями о минувших славных деньках ты ничего не исправишь, – Юлия постучала ножом по краю тарелки, вызывая служанку, – можно сказать ему тысячу правильных слов, и все равно он поступит по-своему. Разве ты в его годы был другим?

– Если бы я тогда так же тратил на развлечения почти все свое время, то ничего бы не смог добиться! Почему он не хочет понимать, что упущенного времени уже не вернуть, и действовать надо уже сейчас!?

– Ты пытаешься взывать к его тщеславию, но в таком возрасте простые, чистые эмоции ценятся выше. Он впитывает их как губка, и ему хочется попробовать их все, а к зрелому пониманию того восторга, который испытываешь от удовлетворения своих амбиций, он придет чуть позже. Не торопи события.

– Не торопить? Мне вот кажется, что я уже опоздал. Рань-

ше, когда заядлые игроки выкладывали вполне реальные шестизначные суммы за виртуальные предметы, где-то в глубине души я всегда радовался, что наблюдаю за происходящим со стороны. А тут вдруг выясняется, что наш собственный ребенок уже на полпути в это безумие. И мысль о том, что я сам в значительной степени тому поспособствовал, не дает мне покоя.

– Мир меняется, дорогой, и то, что тебе может казаться диким, для молодого поколения выглядит абсолютно естественным. Новые времена – новые ценности. Пусть даже виртуальные, – Юлия подошла к мужу и положила руку ему на плечо, – ты же сам говорил, что любые эмоции, чувства, ради которых мы живем и дышим – суть биохимия. Так не все ли равно, насколько реальны те стимулы, что заставляют ее работать? Ты открыл людям ворота в новый восхитительный мир, полный увлекательных приключений и острых переживаний, сделал их жизнь насыщенной и ярче, а теперь пытаешься закрыть вход в него своему сыну? Так ты только настроишь его против себя.

– Да пусть развлекается, мне не жалко! – Алан вскинул руку и снова уронил ее на стол, – но почему этим обязательно нужно заниматься в компании каких-то голодранцев!?

– Что поделаешь, у большинства солидных людей просто нет времени на виртуальные приключения.

– Это да, но... – Алан замолк, о чем-то задумавшись, – ложками черпают, говоришь? Что он там бормотал про го-

товые коктейли?

* * *

У меня всегда вызывала легкое недоумение нелепая ситуация, когда, преодолев несколько тысяч километров на гиперджете, ты потом тратишь едва ли не больше времени на то, чтобы просто добраться от аэропорта до дома. И мне кажется, что в будущем тут мало что изменится. В одно мгновение телепортировавшись откуда-нибудь с Юпитера, мы будем потом точно так же долго и нудно трястись на такси по эстакадам от пересадочной станции до родных пенатов. Видимо, сумма сопутствующих издержек есть величина постоянная и, совершая новый технологический рывок в одной области, мы обречены жертвовать в чем-то другом. Даже заполучив в свои шаловливые ручки волшебную палочку, мы очень скоро столкнемся с необходимостью ее постоянно заряжать, проводить регулярное техобслуживание и сервис, каждый год собирать справки, необходимые для продления лицензии, и сочинять объяснительные в ответ на жалобы недовольных соседей, что в итоге сведет на нет все выгоды от ее использования.

В противном случае, победив все препоны и избавившись от необходимости преодолевать возникающие на пути трудности, человек рискует вновь превратиться в обезьяну, бесцельно валяющуюся под пальмой в ожидании очередного

свалившегося сверху банана.

Хотя, надо сказать, то упорство, с которым Человечество продвигалось к этой своей вековой мечте, уже приносило определенные плоды.

За окном как раз замелькали шеренги однотипных безликих коробок, выстроенных для проживания «Дайвов». Те несчастные, что так и не смогли найти свое место в изменившемся мире, где львиную долю повседневных забот взяли на себя автоматизированные системы и расторопные роботы, все чаще сбегали от окружающей безысходности в виртуальные миры. Хотя... почему несчастные? Если вместо бессмысленного валяния на диване ты имеешь возможность с головой погрузиться в увлекательные приключения и эпические битвы, оставив за бортом все житейские хлопоты, то такая альтернатива представляется самоочевидным выбором.

Тем более что широкое распространение «Дайвиртов» сделало их доступными даже людям, живущим на пособие. Операции по их имплантированию поставили на конвейер, отладив технологию настолько, что любые побочные эффекты остались в прошлом, а стоимость всего комплекса услуг опустилась до вполне приемлемых значений. Рассрочка на несколько лет плюс обязанность просматривать регулярные рекламные модули – не такая уж большая плата за побег из скучной реальности в яркий мир фантазий и адреналина.

На тот случай, если игроки, увлекшись, будут проводить в Вирталии сутки напролет, разработчики предусмотр-

рели ряд мер, обеспечивающих нормальное функционирование оставленных без присмотра тел. Поскольку «Дайвирт», вживляемый в стволовой отдел мозга перехватывал и подменял сигналы, идущие от органов чувств, а также управляющие команды, отправляемые мышцам, то с его помощью было возможно заставить отключенное от мозга тело исполнять некоторые несложные действия.

Поначалу все ограничивалось регулярной гимнастикой, не позволяющей крови застаиваться и предотвращающей образование пролежней, но, по мере того, как алгоритмы совершенствовались, «Дайвы» научились практически полностью себя обслуживать, не отвлекая своего хозяина по пустякам. Строго говоря, для того, чтобы умыться, справить естественные потребности и позавтракать, особого интеллекта и не требуется. Так что многие теперь с головой погрузились в Вирталию, выныривая на поверхность не чаще раза в неделю. А чтобы упростить задачу своим Дайвам, они переселялись в типовые кварталы, где вся инфраструктура специально делалась максимально упрощенной и стандартизированной. Однотипные контрастные интерьеры, одинаковые кухонные станции, стандартные наборы белья и одежды – в таких условиях даже Дайвы первых поколений управлялись с хозяйством вполне сносно, а последние модели были уже настолько хороши, что отличить их поведение от обычного человека удавалось далеко не сразу.

Одна беда – заигравшись в Вирталии, человек постепен-

но отвыкал от самостоятельной жизни в обычном мире и, вернувшись, далеко не сразу мог восстановить нормальную координацию, путаясь в собственных конечностях и заново вспоминая даже простейшие действия, поскольку ранее «Дайвирт» конвертировал их в управляющие команды виртуального интерфейса. И чем больше времени игрок проводил внутри симуляции, тем дольше он потом приходил в норму. Со стороны такие «оффлы», бестолково сучащие руками, выглядели одновременно и забавно и пугающе, но истинных фанатов Вирталии такие трудности не останавливали.

Мне навстречу попало несколько человек, делавших утреннюю пробежку, и только неестественная монотонная размеренность их движений вкупе с отсутствующим выражением лиц выдавала их истинную суть. У меня мелькнула любопытная мысль – ведь в реальности большинство из них скорее бы удавилось, чем занялось каким-нибудь спортом, а дисциплинированный Дайв будет исправно бегать, кувыркаться на тренажере, да еще и поддерживать в доме идеальную чистоту и порядок. Так что, хоть я и не одобрял подобного эскапизма, но был вынужден признать, что в итоге окружающий мир стал заметно лучше, чище и безопасней.

Впрочем, массовый исход страдающей от безделья публики в Вирталию являлся, несомненно, важной, но не основной причиной общего оздоровления обстановки. Куда большая часть работы легла на плечи Медиаторов.

Лет десять назад человечество уже успело попробовать на вкус образец идеального общества, где люди избавлялись от своих врожденных огрехов при помощи Психокоррекции, но, увы, успешная и действенная на первый взгляд методика оказалась все же не лишена своих побочных эффектов. То, что поначалу воспринималось как возможность построения земного рая, обернулось сущим адом, расхлебывать который пришлось долгие годы. Я до сих пор иногда просыпаюсь в поту после очередного кошмара, которые нет-нет, да и возвращаются ко мне, напоминая о пережитом в «Айсберге» ужасе. Даже сам Александр Саттар, работавший со мной впоследствии, так и не смог до конца загладить жуткие воспоминания, оставшиеся от трехсот этажей, наполненных безумием, насилием и болью.

Авторитет почти всемогущей Лиги Корректоров был существенно подорван, и требовалось как можно скорей найти выход из сложившейся ситуации, пока общество, разучившееся контролировать собственные страсти, не скатилось в полную анархию. К счастью, у Эдуарда Саттара уже имелось наготове решение, которое, при успешной его реализации, обещало если и не вернуть все на круги своя, то хотя бы сгладить негативные последствия.

Он предложил качественно иной подход к управлению человеческим поведением, не перекраивая сознание людей изнутри, как при Психокоррекции, а приводить их в требуемое состояние, манипулируя той средой, в которой они обитают.

Ведь помимо тех окружающих факторов, что мы воспринимаем через органы чувств, существует еще и психоэмоциональная атмосфера, невидимая и неосоздаваемая, но напрямую влияющая на наше настроение, поведение и принимаемые решения.

Для воплощения замысла Эдуарду понадобились помощники, и вот тут меня ожидал неожиданный сюрприз.

В один прекрасный день у меня зазвонил телефон и, ответив на вызов, я неожиданно услышал в трубке его голос. Он пригласил нас с Кирой к себе в загородную резиденцию клана Саттаров, где и посвятил в детали своего замысла.

Дар Психокоррекции, как известно, передавался по наследству исключительно по мужской линии, но вот с Медиаторами все обстояло иначе. Если пикировку можно было сравнить с тонкой настройкой сложного механизма, то медиация больше напоминала смешивание красок на палитре человеческих чувств, и для такой работы требовался совершенно другой склад ума, другой образ мышления – женский. Быть может, именно поэтому Эдуарду так и не удалось донести свое видение до других членов Лиги, зато в лице моей супруги он нашел, возможно, самого талантливого своего ученика.

От такого откровения я испытал самый настоящий шок. Моя Кира, которая, прямо скажем, никогда не блистала какими-то особенными талантами, и чьи интересы практически не выходили за рамки обычного щебетания с подругами,

вдруг открыла в себе мощные паранормальные способности!? Я, грешным делом, начал подозревать, что меня разыгрывают, но Эдуард оставался абсолютно серьезен.

Он рассказал, что впервые ощутил в ней силу в тот день, когда мы пересеклись с ним в «Айсберге». Более того, по его мнению, именно талант Киры, которого она еще тогда не осознавала, помог нам избежать всеобщего сумасшествия, поскольку она, действуя рефлекторно, по наитию, как бы сглаживала избыточное давление эмоций на мой мозг, защищая его от перегрузки.

Сам Эдуард, хоть и обладал весьма сильным даром, не мог действовать с той мягкостью и деликатностью, какая была доступна женской руке. Его задача заключалась в том, чтобы помочь Кире и другим ее коллегам, которых он уже начал отбирать, раскрыть свои способности и, раскинув своего рода сеть Медиаторов по всей стране, стабилизировать настроения в обществе, сделать его более спокойным и уравновешенным.

Оправившись от первоначального потрясения, я перевел взгляд на Киру и понял, что теперь от перегорания уже нужно спасать ее собственный рассудок. Весь рассказ Эдуарда она прослушала с отвалившейся челюстью и выпученными глазами, так что в данный момент моя супруга совершенно не походила на выдающегося медиума, способного властвовать над мыслями миллионов людей. Откровения подобного масштаба требуют немалого времени, чтобы с ними свык-

нуться, однако Эдуард не собирался давать ей даже маленькой отсрочки, настаивая на том, что занятия необходимо начать как можно скорей, и нам стоило немалого труда уговорить его потерпеть хотя бы до завтра.

Кира весь вечер не находила себе места, а ночью так и не смогла сомкнуть глаз, раздираемая предвкушением новых открытий с одной стороны и страхом потерпеть неудачу с другой. Я и сам пребывал в изрядном возбуждении, пытаюсь сообразить, какие перемены ожидают теперь нашу жизнь, однако даже в самых смелых фантазиях я не смог предугадать реального масштаба грядущих событий.

Я иногда пытался себе представить, каково это, когда судьба в одночасье выносит тебя на самую вершину, когда в одно прекрасное утро ты просыпаешься богатым и знаменитым? Ну, например, получил Нобелевку или «Оскара» за роль второго плана и теперь можешь смело дописывать к своим контрактам еще один нолик. Я-то всего добивался своим трудом, пешком карабкаясь вверх по крутым ступенькам карьерной лестницы, а потому оказался совершенно не готов к тому внезапному взлету на скоростном лифте, что случился с нашей семьей. Ибо на следующее утро мы, действительно, проснулись весьма обеспеченными и влиятельными людьми. Хотя и не выпавшими.

Эдуард не признавал полумер и немедленно обрушил на нас всю свою энергию. Не успели мы еще толком продрать глаза, как раздался звонок в дверь. На пороге я обнаружил

двух человек – водителя, готового доставить Киру к новому месту работы, и представителя транспортной компании, желающего уточнить подробности нашего переезда. Да-да, Эдуард не бросал слов на ветер, и когда он говорил, что Кира отныне станет полноправным членом Лиги, это автоматически подразумевало переход на качественно новый уровень, включая элитный район проживания, соответствующий круг общения, премиальный сервис и роскошный лимузин с персональным водителем.

Вот только теперь мы с женой неожиданно поменялись местами, и уже мне предстояло робко поблескивать, отражая сияние ее славы. Все мои предыдущие достижения в «Юраско» меркли на фоне тех высот, куда ее забросила Судьба. Заместитель директора департамента в крупнейшей химической корпорации вдруг превратился в мальчика на содержании своей более успешной супруги.

Мне далеко не сразу удалось свыкнуться с изменившимися обстоятельствами, и мое тщеславие еще долго протестовало против такой рокировки, но потом я махнул на все рукой и просто плыл по течению, наслаждаясь окружающими роскошью и комфортом.

Машина сбавила ход и неспешно всплыла под арку с большой ажурной надписью «Светлый Город». Мы переехали в этот поселок по настоянию Эдуарда и ни разу не пожалели о своем решении. Впрочем, слово «поселок» звучало как-то

мелко, куда более подходящим определением было бы «королевство», причем сказочное.

Расположенный в излучине реки, поселок задумывался Эдуардом как некий образец, эталон того качества жизни, к которому следует стремиться и которое в перспективе может стать доступным практически каждому. Он резко контрастировал с городской скученностью и толчеей, выделив значительную часть территории под сады и парки. Утопающие в зелени особняки едва угадывались за живыми изгородями, органично встроенные в окружающую природу, а ограничения скоростного режима объяснялись, в том числе, и регулярно выходящими на дорогу непугаными оленями.

Зимой же мой словарный запас просто капитулировал, будучи не в силах связно описать то волшебство, что окутывало окрестности своим белым искрящимся покрывалом. Оправдывая название поселка, его архитекторы активно использовали при строительстве белоснежный мрамор, в результате чего здания почти растворялись на фоне снега, и темно-красные черепичные крыши буквально парили в воздухе. Пропитывавшая все вокруг магическая аура обладала такой силой, что я бы не удивился, вместо оленя повстречав однажды гарцующего на обочине единорога.

Меня иногда посещала шальная мысль, что было бы неплохо запретить автомобилям въезд в «Светлый Город», и всех прибывающих пересаживать на кареты с настоящим кучером на козлах и лакеями на запятках. Исключение мож-

но сделать разве что для ретро-автомобилей и антикварных велосипедов с огромным передним колесом и малюсеньким колесиком сзади.

Кто-то, возможно, мог бы счесть такое увлечение фэнтезийной стилистикой чрезмерным, но это ровно до того момента, пока человек не увидел бы все собственными глазами. Создатели «Светлого Города» спроектировали и выстроили его настолько продуманно и гармонично, что в него было невозможно не влюбиться!

В самом центре городка возвышался белоснежный дворец, где располагалась администрация и местный Узел Медиации, в котором работала Кира. Оформленный в том же сказочном стиле, что и все остальные здания, он и внутри совершенно не походил на средоточие офисов и инженерных служб, каждым элементом интерьера – от кованой мебели и развешенных по стенам гобеленов до стоявших по бокам от главной лестницы рыцарских доспехов и огромной кабаньей головы прямо над ней – поддерживая все то же ощущение ожившей фантазии.

Я, как потомственный технарь, не мог не поинтересоваться инженерной стороной вопроса, но «Светлый город» и тут меня не разочаровал. Эдуард позаботился о том, чтобы воплотить здесь все самые последние достижения прогресса. Автоматизация всех сторон человеческой жизни была выведена здесь на качественно новый уровень, позволяя человеку

окончательно перестать беспокоиться о всяких приземленных вещах, освободив его для личностного самосовершенствования. По крайней мере, Эдуард надеялся, что так оно и будет, лично отбирая тех, кому будет позволено поселиться в его персональном Эдеме. Да, цена входного билета в «Светлый город» измерялась не только круглой суммой денег, но и способностью претендентов выступить в роли ориентиров для других, своим примером показывая путь, по которому следует двигаться, улучшая и мир вокруг и самих себя.

Эдуарда, вообще, изрядно огорчала тяга подавляющего большинства населения к тупому удовлетворению своих прихотей, и он мечтал дать людям альтернативу в надежде, что хоть кто-нибудь да откликнется на его призыв. Лично я считал его наивным идеалистом, но он утверждал, что при помощи Медиации его замысел вполне возможно воплотить в жизнь. Нужно лишь собрать в одном месте побольше энтузиастов, не ограничивающих свои интересы набиванием желудка и развлечениями, и тогда сформированная ими критическая масса начнет увлекать за собой и других. Мне, кстати, после экскурсии за Стену начинало казаться, что он ищет претендентов не там, и что нужные ему люди по большей части сосредоточились по ту ее сторону. Надо будет попробовать донести до него соответствующую мысль – авось это и ускорит процесс.

Так или иначе, но строительство «Светлого города» постепенно близилось к завершению, и очень скоро мы сможем

проверить идеи Эдуарда на практике. Я же в данный момент уже подъезжал к нашему с Кирой коттеджу – утопающему в зеленом саду просторному одноэтажному зданию с обилием высоких окон и огромной террасой во весь фасад. После пережитого нами в «Айсберге» я испытывал вполне объяснимую неприязнь к любым строениям, насчитывающим более двух этажей, и из которых в случае опасности нельзя сбежать, просто выпрыгнув в окно. Александр Саттар постарался по возможности заретушировать негатив моих воспоминаний, но такие глубокие раны никогда не заживают бесследно, и шрамы от них остаются на всю жизнь.

Так или иначе, но те ужасы остались в прошлом, а сейчас, по мере приближения к дому, я чувствовал, как по всему телу разливается приятное предвкушение тепла и уюта. Меня не отпускало подозрение, что такие ощущения являлись следствием работы Медиаторов, сфокусированных на максимальном успокоении и расслаблении любого перевозбужденного человека, но, черт подери, результат их работы заслуживал самых высоких оценок! Ведь после непростой командировки мне именно это и требовалось – с головой окунуться в омут безмятежности и покоя.

Кира встречала меня на крыльце, облаченная в длинное воздушное платье, подол которого стелился по полу, следуя за своей хозяйкой. Она всегда тяготела к образу эдакой невесты, эфирной принцессы, и теперь вполне могла позволить себе удовлетворить свои детские мечты. Благо, автома-

тические уборщики поддерживали повсюду идеальную чистоту, и волочащийся за ней шлейф совершенно не пачкался.

– Привет! Как все прошло?

– В самом лучшем виде! – я взбежал по ступенькам к Кире навстречу и заключил ее в свои объятия.

– Я так за тебя волновалась! – она придирчиво изучила мое лицо в поисках возможных синяков, шрамов, да и просто дорожной грязи, – один, в каких-то диких краях...

– Ой, брось! В действительности там все обстоит совсем не так, как мы привыкли думать! Я прекрасно провел время! В следующий раз, если хочешь, я и тебя могу с собой взять.

– Вот уж спасибо, как-нибудь обойдусь! – Кира брезгливо поморщилась, – что, вообще, может быть интересного за Стеной?

– Я познакомился с потрясающим людьми, узнал массу нового и неожиданного! Первозданная природа, необъятные просторы – тебе понравится, вот увидишь!

– И ты даже не скучал? – Кира обиженно наморщила носик.

– Что ты! Вспоминал о тебе буквально каждую минуту, – я крепче обнял жену, чувствуя, как от ее тепла меня охватывает жар возбуждения, и приятная тяжесть наливается в самом низу живота. Только сейчас я в полной мере ощутил, насколько изголодался по ее ласкам, по прикосновениям к ее шелковистой коже, по ее тяжелому сбивчивому дыханию в миг нашего единения!

– Правда!?

– Сейчас узнаешь! – я подхватил Киру – самую любимую и самую желанную женщину на свете на руки и вошел с ней в дом, стараясь не наступить на ее длинное платье.

Я в очередной раз порадовался, что все комнаты у нас располагались на одном этаже, иначе я даже не знаю, смог бы вытерпеть еще и подъем по лестнице. От захлестнувшего меня вожделения по всему телу пошла дрожь, требующая немедленного утolenия. Я ускорил шаг и, уже подходя к нашей большой кровати, все же не доглядел, и конец развевающегося подола угодил под мой ботинок. Послышался треск рвущейся ткани.

– Ой! Извини, – я осторожно опустил Киру на постель.

– Да и черт с ним. Рви!

...Сквозь шум в ушах проступило негромкое жужжание – робогорничная ползала по спальне, собирая разбросанную по полу одежду. Застарелые рефлексy требовали прикрыть хоть чем-нибудь свою наготу, но я был настолько обессилен, что плюнул на приличия и остался лежать как есть. Даже если бы порядок наводила живая служанка, я все равно не смог бы пошевелить даже пальцем. Словно прочитав мои мысли, Кира наинула на меня одеяло и придвинулась ближе.

– Ты был бесподобен! – прошептала она мне в ухо.

– М-м-м-ф! – только и смог прохрипеть я, только сейчас осознав, насколько сильно хочу пить.

– Роби, принеси воды! – и вновь Кира угадала мои желания.

В ожидании спасительного стакана я мысленно оглянулся назад, поражаясь тому приступу страсти, что меня охватил, и тем выкрутасам, что мы устраивали тут в течение прошедшего часа, сливаясь в безумии любовного экстаза снова и снова... и снова. Все это походило на сон, восхитительный и пугающий одновременно.

Неужели тем ненасытным любовником и в самом деле был я!? Я действительно только что творил все... это!? Существуют хоть какие-то пределы, какие-то рамки для моей извращенной фантазии!?

Услышав над ухом тихое гудение, я приоткрыл один глаз и, выпростав из-под подушки руку, принял у Роби вождественный стакан. Меня так трясло, что пока я подносил его ко рту, почти половину успел расплескать. Залпом выпив то, что осталось, я снова повалился на кровать, покачиваясь на волнах изнеможения и немного опасливо изучая свои чувства.

– Сегодня опять было... *с приправами*? – спросил я, обращаясь к потолку.

– Тебе не понравилось? – Кира приподнялась на локте.

– А тебя не смущает мысль, что только что тебя тискал... как бы... не совсем я?

– Не болтай глупостей! Эта, как ты выразился, *приправа* только подчеркивает вкус основного блюда, а не подменяет

его. Так что здесь и сейчас со мной был ты и только ты.

– И то, что мы, фактически, украли у других людей немного их любви, тебя совершенно не смущает?

– У молодых этого добра столько, что они не обеднеют, если я отщипну у них маленький кусочек.

– Как по мне, так кусочек был весьма и весьма изрядный, – я поерзал, морщась от боли в ноющих мышцах, – твои эксперименты рано или поздно сведут меня в могилу.

– Ну, не скромничай, ты крепкий, и я уверена, что способен даже на большее!

– Нет-нет, я пас! Мне, вообще, претит сама мысль, что меня как анаболиками накачивают чужой страстью. Зачем? Ради чего?

– Но мы же заслужили немного праздника, разве нет?

– Заслужили? Чем?

– Как это!? Разве мы с тобой своим трудом не делаем мир лучше!? – Кира обвела рукой вокруг, – ты создаешь новые технологии, мы с девочками делаем людей счастливей! Разве орды Дайвов могли бы сутки напролет наслаждаться виртуальным бездельем, не будь таких людей, как мы? Мне кажется, что мы вправе ожидать от них определенной... благодарности. Так или иначе, но за все надо платить, вот пусть и делятся с нами своими радостями.

– Да у тебя и так по жизни все замечательно! – я не мог не признать, что в ее словах присутствовала определенная логика, но меня она не убедила, – влияние, репутация,

уважение... к чему еще и приворачивать-то?

– Влиятельность, репутация... – Кира вздохнула, – типично мужской набор достижений. Но разве это женщине нужно?

– Я догадываюсь, к чему ты клонишь, но если моей искренней, настоящей любви тебе недостаточно, то разве краденые чувства – это выход?

– Ты – лучшее, что когда-либо случилось в моей жизни! – Кира прильнула ко мне, и я почувствовал на шее ее теплое дыхание, – но ты такой... реальный. Ты обеими ногами крепко стоишь на земле, а мне хочется воспарить, получить свою капельку волшебства, капельку сказки! Могу же я хоть немного потешить свои детские фантазии!? Тем более сейчас, когда такая возможность у меня, наконец, появилась!

– Я-то думал, что это каждый мужик – в душе немного ребенок.

– А каждая женщина – немного принцесса! По крайней мере, всякой хочется себя таковой ощутить, пусть даже ненадолго. Имею я право или нет?

Я устало закрыл глаза, вспоминая, как сам еще недавно носился по степи на квадроцикле, распугивая сусликов и поднимая тучи пыли. Мой внутренний мальчишка порезвился тогда от души, и я не видел причин, почему бы моей жене тоже время от времени немного себя не побаловать. Вот только мне не давало покоя одно соображение.

– Все бы ничего, но вот удовлетворять свои желания за

чужой счет, даже не спрашивая согласия эксплуатируемых тобой людей – это перебор.

– Да кто они такие, что ты так о них беспокоишься! – взвилась Кира, – где они и где мы! Я, их благодетельница, оказываю им честь самым фактом того, что соглашаюсь принять в дар их чувства! Они гордиться должны, а не жаловаться! В очередь выстраиваться за такой возможностью! Драться за шанс привлечь мое внимание! Ты это понимаешь или нет!?

– Тише, тише, не горячись так! – я поспешил сдать назад, – Дайвы и меня самого нередко раздражают, у меня и в мыслях не было их защищать. Просто... просто меня-то ты могла предупредить. Я же не тварь бессловесная и имею право на свое мнение, разве нет?

– Но ты... – голос Киры предательски задрожал, – ты такой толстокожий! Тебя же намеками не проймешь, вот и приходится брать все в свои руки. Разве я много прошу – всего на один вечер почувствовать себя настоящей... *королевой*. А тебе... тебе наплевать! Ты только о себе думаешь!

Жена не выдержала и расплакалась, и мне пришлось обнять ее, шепча извинения и заверяя, что впредь я буду внимательней относиться к ее желаниям и чутко улавливать все ее намеки и невербальные сигналы. Я прижал Киру к себе, зарывшись в ее светлые волосы, и сам не заметил, как провалился в сон.

– Добрый день! Служба технической поддержки «Технос-кейп». Чем могу помочь?

– У меня не получается отключиться! Я застрял!

– Пожалуйста, продиктуйте Ваш идентификатор.

– G-F-K-3-6-2-8-8-4.

– Секунду... ключевое слово, пожалуйста.

– Водопад.

– Подождите немного... Игорь Сергеевич?

– Да, да!

– Итак, расскажите подробно, что у Вас произошло.

– Я застрял в Вирталии! Ну, я тут регулярно подолгу зависаю и всплываю где-то раз в неделю, чтобы провести своего перса... ну... себя то есть. А сегодня, когда я решил вынырнуть, у меня ничего не получилось! Я тут застрял!

– Пожалуйста, успокойтесь. Вы уверены, что все делали правильно?

– Разумеется! Не в первый же раз! И аварийное всплытие и принудительную перезагрузку – я все пробовал, ничего не срабатывает!

– Один момент... спасибо за ожидание, но по данным нашего сервера в данный момент пользователь с Вашим идентификатором в системе не зарегистрирован. Вы сейчас точно находитесь в Вирталии? Вы ничего не путаете?

– Да за кого Вы меня принимаете!? Я что, совсем рехнулся, по-вашему!? Я сейчас стою на пересечении 45-й и 18-й линий, на шестом ярусе, у меня над головой трасса, по которой поды проносятся, на мне доспехи Огненной Чешуи – я тут, в Вирталии!

– Хорошо, я Вас понял, не волнуйтесь так. Мы можем попробовать сделать аппаратный сброс Вашего импланта, но для этого нашему специалисту необходимо получить доступ к Вашему телу. Где Вы сейчас находитесь... в физическом смысле?

– Дома, где же еще!

– Кадетский проезд, 24, бокс 345?

– Да, все верно.

– Напоминаю, что, в соответствии с пунктом 15 Пользовательского соглашения, технический специалист «Техноскейп» имеет право войти в Ваше жилище для проведения необходимых работ в случае...

– Да помню я, помню!

– Хорошо, тогда, пожалуйста, никуда не отходите, наш специалист прибудет к Вам в течение часа.

– Да куда я денусь-то...

* * *

Имя Конрада Аше не нуждалось в дополнительных представлениях.

Основатель и бессменный руководитель «Аше Лабораториз» регулярно мелькал в выпусках новостей и на обложках журналов. Как человек, входящий во все возможные версии списков «Топ-500, 200, 100 и так далее», он уже привык к тому пристальному вниманию, которое вызывала его личность, и воспринимал нацеленные на себя взгляды и объективы телекамер как еще один элемент окружающего пейзажа, как неизбежное следствие своего успеха. Иногда он даже сравнивал себя с черной дырой, которая затягивает в себя внимание окружающих, становясь от этого только еще массивней и влиятельней.

А посему в ходе общения с пригласившей его Кирой Лоскутиной, руководителем центрального Узла Медиации, Конрад чувствовал себя несколько непривычно и даже неловко, поскольку его собеседница совершенно не испытывала к нему никакого пиетета, обращаясь к собеседнику как к равному и даже с легким налетом снисходительности.

Ее приглашение он поначалу воспринял как неудачную шутку. Ему, вложившему немало сил и средств в обустройство родового гнезда на морском побережье, предлагалось все бросить и переехать в недавно отстроенный поселок «Светлый Город» ради того, чтобы неким не до конца понятным образом поспособствовать движению Человечества к прекрасному Будущему.

Если честно, на Человечество Конраду было наплевать, и оно интересовало его лишь как потребитель услуг «Аше

Лабз». Он же не Сизиф, в конце концов, и карабкался на вершину Олимпа отнюдь не для того, чтобы теперь на своем горбу затаскивать туда еще и всех прочих.

Однако он все же принял приглашение, поскольку ему стало любопытно, чем именно его собираются заманить в эту затею, а кроме того, игнорировать сигналы, поступающие из столь высоких сфер, просто неразумно.

Но теперь, сидя в легком плетеном кресле на широком балконе, расположенном на одном из верхних этажей административного корпуса, Конрад уже начинал жалеть, что согласился приехать, поскольку никак не мог отделаться от ощущения, что странным образом перенесся лет на сорок назад, в свои школьные годы, и угодил аккурат на урок ненавистой биологии. Ненависть та проистекала не из непонимания предмета, а из личности преподавательницы, с которой у Конрада были связаны его самые первые сексуальные фантазии. Она же, определенно догадываясь о его чувствах, не упускала возможности время от времени, ловя его взгляд, отвечать ему какой-то особо издевательской улыбкой. А когда она его о чем-то спрашивала, Конрад непременно начинал неистово заикаться, краснеть и напрочь забывал весь выученный накануне материал. Их переглядывания так и не выросли во что-либо серьезное, но вот биологию после этого Конрад возненавидел всем сердцем, и его результаты по данному предмету отпечатались большим позорным пятном на всем аттестате.

В дальнейшем жизнь сводила Конрада со многими женщинами, отношения с которыми по мере роста его состояния становились все более... прямолинейными. И вот, в тот самый миг, когда ему казалось, что никаких тайн в общении с противоположным полом уже не осталось, он встретил Кирю, которая не только не заглядывала ему в рот, но даже... подумать только... улыбалась ему *той самой* улыбкой, в одно мгновение превращая главу могущественной корпорации в закомплексованного пубертатного юнца.

Ему неоднократно доводилось пересекаться с представителями Кланов. Саттары, Плеско – все они так или иначе были плотно вовлечены в работы по пикировке сотрудников его компании, но Конрад воспринимал их, скорее, как высококлассных специалистов, хорошо оплачиваемых, но все же наемных работников. Он относился к ним с огромным уважением, но не более того. А вот в женщине, сидящей сейчас напротив него, ощущалось нечто большее. В ней присутствовала какая-то странная, неосязаемая, но явственная *магия*.

– Я знаю, о чем Вы думаете, – Конрад даже вздрогнул, когда Кира снова заговорила, пригубив бокал и опустив его на столик, – какой резон мне ввязываться в эту затею? В чем смысл переезжать сюда с насиженного и обжитого места? Стоят ли абстрактные рассуждения о благе человечества тех издержек, что от меня потребуются, тем более что конечный результат далеко не предопределен? Ведь так?

И вновь та самая *понимающая* улыбка... Конрад вздохнул

и одним глотком допил остатки своего вина.

– В значительной степени да, – осторожно кивнул он, опасаясь огорчить хозяйку, – у меня есть все, что мне нужно, и стоит ли ломать уже давно устоявшийся порядок во имя, признаюсь прямо, довольно эфемерных целей. Я пока не вижу, что может дать лично мне участие в вашей программе.

– О, я сейчас Вам покажу, – Кира легко поднялась с кресла и шагнула к парапету, – подойдите сюда.

Конраду понадобилось заметно больше времени, поскольку его габаритная фигура не располагала к таким быстрым маневрам.

– Смотрите, – Кира обвела рукой раскинувшуюся перед ними панораму «Светлого города» с его густой зеленью, прудами, лужайками, теннисными кортами и проглядывающими сквозь листву черепичными крышами роскошных особняков, – что Вы видите?

С трудом оторвав взгляд от стройной фигуры девушки, эффектно подсвечиваемой сквозь длинное легкое платье бьющим ей в спину ярким солнцем, Конрад обратил свой взор на поселок, на окраинах которого еще кипело строительство. Гудение и лязг строительной техники время от времени долетали даже сюда.

– Лично я вижу хорошо продуманный и прекрасно воплощенный стройный и цельный архитектурный замысел. Но для меня в нем нет ничего нового, всего этого я уже давно добился сам. Я достаточно искушен в роскоши и потворстве

своим прихотям, и мое собственное поместье меня в этом отношении вполне удовлетворяет, а кое в чем, Вы уж не обессудьте, и превосходит тот уровень, что Вы мне предлагаете.

– Да, Вы действительно многого достигли, не спору, – еще одна мимолетная улыбка, – но к чему сводятся все Ваши достижения? Деньги, роскошь, уважение и зависть окружающих, мгновенное удовлетворение самых причудливых капризов, ну и, наконец, власть. И это... все?

– Весьма достойный набор, по-моему. Чего еще желать?

– Вы не видите перспектив, поскольку уперлись в потолок собственных амбиций, но я открою Вам глаза, я покажу Вам нечто большее, – Кира вновь простерла перед собой руки, словно пытаясь обхватить раскинувшуюся перед ней панораму. Она прикрыла глаза и заговорила медленно и как-то глухо, – я покажу Вам... *Признание*, покажу Вам... *Величие*!

Конрад пошатнулся и вцепился пальцами в перила, чувствуя, как ее слова царапают, соскребают с него внутреннюю оболочку, засохшую корку, под которой он столько лет прятал свои сокровенные желания и мечты, делая вид, что все они – наивная глупость, сбивающая с верного курса и отвлекающая от реально важных вещей. И снисходительность, с которой эта странная женщина смотрела на него, объяснялась тем, что она прекрасно видела Конрада насквозь, со всеми его затаенными чаяниями и страхами, надеждами и сомнениями.

Чем он запомнится потомкам? Да и запомнится ли вооб-

ще? Или же о нем позабудут уже на следующий после похорон день? Что останется от него, потеряй он все свои деньги? Не окажется ли, что все уважение, почет и даже любовь, что его окружают – фикция, лишь сопутствующая функция его богатства? Представляет ли он из себя хоть что-то не как успешный бизнесмен, а как человек?

Но здесь и сейчас ему предоставлялся уникальный шанс проявить себя по-настоящему. Оставить след в истории, который бы не ограничивался пафосным надгробием и дракой за оставленное наследство. Хоть раз потрудиться не только ради удовлетворения своего тщеславия, а ради построения нового лучшего мира и навечно вписать свое имя в летопись человечества наравне с другими великими личностями.

Конрада охватила дрожь от размаха открывающихся перед ним перспектив, в его груди словно распахнулась жаждающая наполнения ненасытная бездна, и, глядя на лежащий перед ним поселок, он чувствовал, что именно здесь он сможет в полной мере утолить ее голод. Теперь он знал, в чем его предназначение, и видел путь его реализации.

В «Светлом городе» он и другие, объединенные единой целью, смогут проложить новый магистральный путь для дальнейшего развития цивилизации. Если он справится, то заслуженно займет свое достойное место в пантеоне Великих. И женщина, стоящая рядом с ним на балконе, открывала перед ним эту возможность – вступить в ряды настоящей, истинной Элиты, над авторитетом которой не властны поли-

тические дразги и финансовые неурядицы...

— Вы о чем-то задумались? — Кира изучающее его рассматривала, — давайте лучше присядем.

— Да... пожалуй, — с трудом переставляя одеревеневшие ноги Конрад доковылял до кресла, которое жалобно заскрипело, когда он обессилено в него рухнул.

Сердце его бешено колотилось. Конрад уже и не помнил, когда в последний раз так волновался. Он машинально провел рукой по лбу и обнаружил, что весь взмок. Подняв взгляд на Киру, он увидел, что она протягивает ему полотенце, и ему ничего не оставалось, кроме как благодарно его принять, получив вдобавок еще одну улыбку.

И она, черт подери, имела все основания, чтобы так на него смотреть. Если начистоту, то Кира видела его насквозь, во многом понимая его внутренний мир даже лучше самого Конрада. Все душевные изъяны, пустоты и каверны, что он пытался спрятать, лежали перед ней как на ладони, и в ее власти было их заполнить, заштукатурить, залечить. Достаточно переселиться в «Светлый город», где, как в хорошем санатории, заботливые врачи бережно поправят твое здоровье, и жизнь вновь обретет почти утраченный смысл.

Эмоциональный накат, обрушившийся на Конрада минутой назад, постепенно отступал, оставляя после себя некое подобие оголившегося прибрежного мелководья с лохмотьями водорослей и беспомощно барахтающейся в лужах рыбой. Еще недавно ему казалось, что в его судьбе все сложи-

лось как нельзя лучше, и только после этого очищающего внутреннего шторма он смог увидеть свою душу такой, как она есть, во всей ее болезненной ущербности. После такого откровения он уже никогда не сможет жить по-прежнему, скрывая свою боль под маской напускного благополучия.

– Я не тороплю Вас с решением, – Кира встала и отступила к дверям, прозрачно намекая, что аудиенция окончена, – к концу месяца мы должны закончить работы на первой очереди поселка, и тогда мы снова пригласим Вас, чтобы Вы могли осмотреть «Светлый город» уже в более-менее законченном виде.

– Да, конечно... разумеется! – Конрад поспешил к выходу, не смея более отвлекать гостеприимную хозяйку от других важных дел, – буду ждать с нетерпением! Спасибо, что уделите мне свое время!

– О! Не стоит благодарности! Мы же стараемся ради общего блага.

Девушка протянула ему руку, и Конрад осторожно ее пожал, сам не веря тому, что его визави снизошла до столь демократичного жеста, милостиво позволив ему хоть ненадолго почувствовать себя равным ей. Он не пожалеет ни сил, ни средств ради того, чтобы подняться над той трясиной, в которой прозябал ранее, и приблизиться к открытым ему высотам, где обитают такие великие люди, как принимавшая его сегодня в своем белоснежном дворце Кира Лоскутина.

В приемной Киру ожидали Алан с сыном. Они сидели на диване, чем-то напоминая рассорившуюся влюбленную парочку, когда каждый старательно делает вид, что он тут сам по себе. Мальчуган во всяком случае старался изо всех сил.

При ее появлении Алан вскочил на ноги и устремился Кире навстречу.

– О! Здравствуй! Мы не сильно тебя отвлекли?

– Нет, сейчас у меня как раз выдалась свободная минутка.

– Здрасьте, тетя Кира, – буркнул подошедший Андрей.

– Привет! Как жизнь молодая?

– Андрюш, подожди нас здесь, – отец взял его за плечо и мягко развернул обратно к дивану, – нам надо немного поговорить.

Парень понуро поковылял назад, а Алан, подойдя к двери кабинета, открыл ее, приглашая Киру за собой. Он явно не горел желанием обсуждать свои дела при посторонних.

– Ну, как прошла очередная презентация? – осведомился он, присев на край стола.

– Чудесно! – Кира и впрямь выглядела довольной.

– Судя по раскрасневшемуся лицу твоего клиента, я предполагаю, что дело не обошлось без небольшого жульничества.

– Выбирайте выражения, молодой человек! – тонкие брови угрожающе съехались к переносице, но только на секунду, – я никого не обманываю, а всего лишь честно показываю товар лицом потенциальному покупателю. Имеет же он

право знать, за что платит деньги.

– Аше уже согласился?

– Еще нет, но наживку он заглотил, и я не думаю, что сможет теперь соскочить.

– Любопытно, что же ты в нем разглядела? За что зацепила?

– За размышления о суетности и тщетности бытия, за страх забвения.

– Вот как? – Алан удивленно приподнял брови, – он вроде бы не настолько стар, чтобы уже думать о Вечности.

– Возраст тут ни при чем, некоторые могут носить в себе соответствующую занозу с самого детства.

– И ты пообещала ее вытащить?

– Всего лишь намекнула, но и этого более чем достаточно.

– Знаешь, – Алан задумчиво почесал длинный нос, – мне кажется, что Эдуард не одобрил бы твоей самостоятельности.

– А без нее бы весь проект очень быстро вылетел бы в трубу! – неожиданно раздраженно отозвалась Кира, – в некоторых вопросах Эдик демонстрирует какой-то совершенно запредельный идеализм. Вся его идея с созданием эдакого интеллектуально-мотивационного ковчега выглядит полнейшей утопией. Великие Свершения нынче никого не привлекают, всем подавай мягкий диван, сытную жарчку, развлекухи до отвала, и все!

– Так именно это он и хотел исправить!

– Вот только вытащить себя самого за волосы из болота

кроме барона Мюнхгаузена пока еще никому не удавалось. Те люди, кого Эдик выбрал в качестве «вожаков», на поверку сплошь и рядом оказываются ничем не лучше остальных обывателей. Только внешнего лоска чуть больше, и все, – Кира безнадежно махнула рукой, – он-то сам сбежал на свой чудо-остров, ваять будущие планы для воодушевленного человечества, а меня оставил тут отдуваться с этими... *клиентами*, из которых вдохновители и вожаки, как из дерьма пуля. Вся их кипучая энергия осталась по большей части далеко в прошлом, угаснув вскоре после того, как они добились успеха. В дальнейшем они больше заботились о том, чтобы сохранить свои завоевания, а не грезили новыми подвигами. Истинно увлеченных людей – единицы, да и те больше на психов смахивают, весь их энтузиазм крайне однобок, и его невозможно привить широким массам.

– Ты хочешь сказать, что затеянный Эдуардом проект не сработает?

– Увы.

– Но почему ты не скажешь ему об этом?

– Чтобы он вышвырнул меня на мороз, подобрав кого-нибудь более сговорчивого, не склонного рассуждать и послушно исполняющего любые его приказания? – фыркнула Кира, – мне, знаешь ли, собственные завоевания тоже терять неохота.

– Но рано или поздно твое самоуправство все равно вскрыется! – Алан непонимающе развел руками, – что тогда?

– Эдик хотел собрать всю эту публику здесь, под одной крышей – и я решаю поставленную задачу в меру своего разумения. Как он потом будет управляться с их болотом – уже его проблема.

– Но эти твои *презентации*...

– Что именно тебя смущает? Наши клиенты, в обмен на свое участие в проекте вправе рассчитывать на заслуженное вознаграждение. Я просто демонстрирую, что мы можем им предложить. Избавление от старых фобий и удовлетворение помыкающих тобой комплексов – весьма недурное предложение на мой взгляд. Более того, мы даже сможем с этого неплохо заработать, так что в конечном итоге все, и Эдик, и его паства, и акционеры должны остаться довольны. Идеальный вариант, по-моему.

Сомнения Алана в верности выбранного Кирой курса до конца не развеялись, хотя перспектива выведения проекта в плюс его, как одного из инвесторов «Светлого города», откровенно порадовала. Но он предпочел не развивать дальше эту тему, поскольку сегодня напросился к Кире совсем по другому поводу. Ему не давал покоя бунтарский настрой собственного сына, и Алан боялся, как бы Андрей при очередном приступе непослушания не натворил бы бед. В таком возрасте возможно всякое.

– Ладно, поступай как знаешь, тут я тебе не советчик, – он снова почесал нос, чувствуя себя немного неловко, – но ты не могла бы мне помочь уладить одну проблемку?

– Что случилось? – Кира обеспокоенно нахмурилась.

– О! Нет-нет, все нормально, просто Андрюшка...

– Переходный возраст?

– И это тоже, да, но... понимаешь, мы с Юлей постарались дать ему самое лучшее образование, и теперь, когда он начинает со мной о чем-нибудь спорить, то противостоять его аргументам бывает очень и очень непросто. Я вижу, как мой авторитет тает на глазах, и ничего не могу с этим поделать. Мне срочно нужно как-то исправить положение!

– Понимаю, но какой помощи ты ожидаешь от меня? Насильно внушить ему чувство пиетета перед родителями? Это по Корректорской части, так что обратиться лучше к Эдику или к своему тестю.

– О, нет, я немного о другом, – рука Алана снова потянулась к носу, но он сумел взять ее под контроль, – мы с Андрюшкой намеренно несколько разошлись во взглядах на реальные и виртуальные ценности, и он здорово выбил меня из колеи, заявив, что Вирталия лучше, поскольку способна давать такие эмоции и ощущения, каких в нашем мире ему испытать никогда не придется. А я не нашел, что ему ответить, и в итоге он только утвердился в своем мнении. Ты же знаешь, что я категорически против установки Дайвирта, пусть голытьба с ним развлекается, а в моей семье я о нем даже слышать не хочу!

– Звучит немного странно для представителя компании, которая его производит, – усмехнулась Кира.

– То есть, если бы я занимался выпуском синтетиков для сексуальных утех, то, по твоей логике, у меня дома должен обитать целый их гарем? Эти вещи между собой никак не связаны!

– Тише, не кипятись! Я прекрасно тебя понимаю, но чем я тут могу помочь?

– Понимаешь, в пылу спора Андрюшка заявил, что мог бы пересмотреть свою точку зрения, если бы ему предложили адекватную альтернативу. Он назвал это «готовыми коктейлями», то есть некий синтез ощущений и переживаний, эквивалентный тем, что он может испытать в определенных игровых ситуациях, обеспечиваемых Вирталией. Он говорил что-то про торжество над трупом поверженного врага и все прочее в том же роде. В общем, те моменты, которые воспроизвести в реальности невозможно, – Алан вздохнул, – ты можешь это ему дать?

– Ты смеешься? – Кира нервно хохотнула, – я что, по-вашему, фокусник, и могу на заказ достать из шляпы все, что угодно?

– Но для того же Аше ты ведь смогла подобрать подходящую конфетку! В чем разница?

– Ты пойми, все устроено и работает не совсем так, как ты, возможно, себе представляешь, – девушка принялась вышагивать по кабинету, активно жестикулируя в такт своим словам, – все строится не на логике, не на рациональном планировании, а на *ощущениях*. Я словно ошупываю душу при-

шедшего ко мне человека, отыскивая в ней дефекты, а потом выхватываю из окружающего меня эмоционального океана сгустки чувств, которые как бы резонируют с ними и идеально на них ложатся. Ну, иногда еще накидываю немного сверху, если пациент слишком уж закорстелый, но я не смогу выудить для вас требуемое переживание по его словесному описанию, мне нужен именно его образ, ощущение, понимаешь?

– Э-м-м-м, не совсем.

– Смотри, если ты, к примеру, попросишь у меня клубники, то я просто пойду и возьму корзиночку с ней в темпораторе. Но я вряд ли смогу тебе помочь, если ты начнешь перечислять мне формулы химических соединений, формирующих клубничный вкус и аромат, – Кира плюхнулась на диван напротив Алана, – так же и здесь. Я могу изучить чью-либо конкретную душевную проблему и предложить решение, но ты просишь у меня абстрактный курс лечения какой-то выдуманной болезни. Я так не умею.

– Наши разногласия с Андреем – не выдумка, а вполне реальный конфликт! Он и в самом деле страдает от невозможности получить желаемое. И я рад бы дать ему то, чего он жаждет, но я не хочу идти у него на поводу, да и про мое отношение к имплантам ты знаешь...

– Сожалею, но помочь ничем не могу.

– Может тебе лучше с самим Андрюшкой переговорить? Он уж всяко лучше меня сможет объяснить, чего именно ему

не хватает.

– А какая разница?

– Ну, информацию всегда желательно получать из первых рук, кроме того, – Алан на секунду задумался, – он ведь мог бы... *представить* те ситуации, те эпизоды, когда игрок испытывает требуемые эмоции. Быть может, у него получится сформировать хотя бы приблизительный образ, с которым ты бы уже могла работать?

– Ситуацию мало представить, ее надо *прожить*, иначе не получить всю полноту сопутствующих чувств.

– О, у парня очень богатое воображение, тут он весь в меня, и я думаю, что он вполне способен, если сосредоточится, мысленно проиграть соответствующие сценарии в мельчайших подробностях, – Алан выпрямился и кивнул на дверь, – попробуй, а? Вдруг что и выгорит.

– Я даже не знаю, – Кира скептически поджала губы, – Медиаторы обычно работают с общим фоном, на котором более-менее четко выделяются действительно сильные эмоции, а для того, чтобы рассмотреть чью-то персональную фобию мне приходится до предела напрягать свое внутреннее зрение. Ну а такое, искусственно вымученное желание мне как прикажете, через микроскоп выискивать? Особенно в юношеской душе, набитой яркими, обостренными переживаниями. Ничего не выйдет.

– Ты не хочешь даже попытаться? Но почему? – кулак Алана, выдавая его нетерпение, глухо ударил по столу, – са-

ма посуди, в случае успеха ты, немного потренировавшись, получишь в свое распоряжение еще один инструмент, позволяющий дозировать эмоции буквально с аптекарской точностью, выборочно доставляя их чуть ли не по заказу! Тем более что окружающие нас тысячи погруженных в Вирталию игроков непрерывно генерируют их в таких диких количествах, что недостатка в «сырье» ты точно испытывать не будешь. Лично я усматриваю тут весьма заманчивые перспективы, в том числе и коммерческие. Что скажешь?

Губы Киры медленно вытянулись трубочкой, она откинула голову назад, задумчиво рассматривая потолок. Ее заинтересовала не столько финансовая сторона вопроса, сколько возможности, открывающиеся впереди в том случае, если предложение Алана сработает, и у нее получится по собственному желанию выуживать из окружающего эмоционального океана требуемые чувства. В принципе, можно даже сформировать своего рода каталог или меню, который можно будет предлагать клиентам, чтобы они...

— Ладно, — кивнула она наконец, — зови сюда своего страждущего.

* * *

За прошедшие годы у нас сложились довольно близкие отношения с семейством Сатаров. Судьба неоднократно схлестывала наши пути, что в конечном итоге привело к тому,

что мы с ними почти что подружились. Кроме того, с недавних пор Кира весьма плотно работала бок о бок с Эдуардом, что, несомненно, налагало свой отпечаток на отношения наших семей. Впрочем, обычно все ограничивалось дежурными поздравлениями с днями рождения и взаимными посещениями на праздники, а потому внезапное приглашение в гости, поступившее от Алана накануне, заставило меня теряться в догадках. Тем более, что, помимо своей неожиданности, оно выглядело как... срочное.

Алан не стал вдаваться в подробности, но по его напряженному лицу без труда читалось, что на сей раз речь идет не о простом визите вежливости, и встреча наша продиктована некими серьезными и, вдобавок, не самыми приятными обстоятельствами.

Утром следующего дня Алан с Юлией, отослав дворецкого, сами встретили нас на крыльце своего особняка и сразу проводили в дом, обменявшись с нами буквально парой дежурных фраз про погоду и здоровье. Такой прием только утвердил меня в мысли, что требующий обсуждения вопрос действительно для них крайне важен. В гостиной нас ожидал Александр, поднявшийся навстречу гостям. Отойдя от дел, он заметно смягчился и уже не выглядел таким холодным и расчетливым дельцом как раньше. Почти все свое свободное время он посвятил возне с внуком, но, тем не менее, насколько я мог судить, все еще держал руку на пульсе текущих событий, оставаясь в курсе всех происшествий. Даже Эдик,

который обычно терпеть не мог чужих советов, регулярно консультировался со старшим братом и прислушивался к его мнению.

Годы постепенно брали над Александром верх, но так легко сдаваться он им не собирался, по-прежнему поддерживая прекрасную физическую форму и кристальную ясность ума. Рослый и худощавый, в светлых по обыкновению брюках и белой сорочке, которую органично дополняла седая шевелюра, он выглядел настоящим аристократом, а его рукопожатие оставалось уверенным и крепким.

После обмена приветствиями мы расселись по диванам и креслам, вооружились бокалами с коктейлями, и слово взял Алан.

– С вашего позволения, я не буду долго ходить вокруг да около и сразу перейду к сути, – он заглянул в свой непочатый бокал и со вздохом поставил его на столик. Судя по всему, дело обстояло и впрямь серьезно.

– Два дня назад в нашу службу техподдержки обратился человек, который утверждал, что застрял в Вирталии и не может вернуться обратно в первичный контур... в реальность то есть. Поскольку дистанционно решить проблему не удалось, наши специалисты прибыли по указанному им адресу, где обнаружили, что его перса... его тела нет на месте, – Алан заметно волновался, то и дело перескакивая на использование технических жаргонизмов. Поскольку мы встретили его слова вежливым внимательным молчанием, он продол-

жил, – если вкратце, кто-то нашел способ незаметно обойти все блокировки, взломал «Дайвирт» и угнал тело нашего клиента. И мы понятия не имеем, где оно сейчас находится и чем занимается.

– Угнал? Тело? – в представлении Киры эти два слова категорически не сочетались друг с другом, образуя причудливый оксюморон, – это как!?

– Хотел бы я знать! – Алан всплеснул руками, – кто, как, когда и, самое главное, зачем? Кто смог провернуть такой фокус, причем так аккуратно, что в системных логах не осталось никаких следов? Кошмар какой-то!

– И этот... как его... там уже два дня сидит взаперти!? Он с ума еще не сошел?

– Некоторые безвылазно торчат в Вирталии неделями. Подремал часок в секторе для отдыха – и снова в бой. Да и нашему клиенту, насколько я понял, это не впервой, так что он привычный.

– Беглец уже успел что-то натворить?

– Вроде бы пока нет, но от этого не сильно легче. Эта новость сама по себе – настоящая бомба, способная разнести к чертям и Вирталию и сам «Техноскейп»! Кому понравится перспектива лишиться в один прекрасный день контроля над собственным телом!? А потом, всплыв в первичку, обнаружить что твой перс в отсутствие хозяина кого-нибудь ограбил, а то и уколошил!? Мы столько сил и средств вложили в проработку вопросов безопасности, убедили пользо-

вателей в надежности системы, заработали их доверие, и на тебе! Достаточно одной-единственной утечки, и все – конец! Я уже весь на нервах и от каждого телефонного звонка подпрыгиваю словно ошпаренный.

– Но тело не могло испариться совсем уж бесследно, – заметил я, – записи с камер, показания свидетелей – пусть полиция поработает, вдруг и нападет на след.

– Полиция!? – чуть ли не взвизгнул Алан, – нет-нет, ни в коем случае! Проще будет самому выйти на центральную площадь и громогласно объявить, как мы тут облажались. Никого постороннего привлекать к поискам нельзя!

– А что с камерами?

– Его перемещения удалось проследить до района Кожевино, а дальше следы теряются. После того, как за дело взялись Медиаторы, – Алан кивнул на Киру, – уровень преступности в округе упал почти до нуля и в целях экономии бюджета система видеонаблюдения была демонтирована. Но, скорее всего, пределов квартала он не покидал и до сих пор остается где-то там.

– Почему ты так уверен?

– Его связь с сетью стабильна, за все прошедшее время мы не зафиксировали ни одного фриза, следовательно он находится в зоне плотного широкополосного покрытия и ни разу ее не покидал. А поскольку «Дайвирт», вдобавок, нуждается в регулярной подзарядке, я делаю вывод, что он имеет к ней доступ. Кожевино – новый квартал, и система беспроводно-

го питания там встроена во все дома, так что ему достаточно оставаться в помещении, и он сможет сохранять связь с сетью сколь угодно долго.

– То есть кто-то забрал его к себе домой? – предположила Кира.

– Или он сам к кому-то в дом забрался. Предполагать можно что угодно.

– А нет возможности отследить, через какой именно узел он подключается к Вирталии?

– Я же говорю, тот умник, кто взломал его имплант, проделал все исключительно аккуратно и ловко. Он великолепно маскирует все свои действия в сети, оставаясь для нас невидимкой. Мы тут бессильны.

– Хорошо, – я хлопнул ладонями по коленям, – ситуация более-менее ясна. Непонятно одно – зачем вы рассказываете все это нам?

– Я тут подумал, – Алан снова покосился на Киру, – что совместно мы все же могли бы его выследить.

– Каким образом?

– Ну, я думаю, в настоящий момент наш несчастный должен испытывать весьма сильное *отчаяние*, и Кира, если постарается...

– Ах вон оно что! – протянула моя жена, сложив руки на груди, – я вам, знаете ли, не радиолокатор, чтобы ваших беглецов пеленговать!

– В прошлый раз ты тоже утверждала, что не микроскоп,

но все ведь получилось! – Алан вскочил на ноги, – почему ты прямо с порога отвергаешь мои предложения, даже не попытавшись, не попробовав!?

– А что у вас было в прошлый раз? – встрепнулся я.

– Неважно, так, проверяли одну идейку, – отмахнулся он и снова набросился на Киру, – ну почему!? Что тебя опять не устраивает!?

– Алан, успокойся, – хрипловатый голос Александра сработал как громоотвод, сняв лишнее напряжение, – ты что, Киру не знаешь? Сколько она Эдику крови испортила! С ней такие наскоки не проходят, тут обходительность требуется, так что наберись терпения и давай все сначала.

И вот тут старик был абсолютно прав! Упрямство моей супруги порой могло вывести из себя кого угодно. Даже у меня ушел не один год, чтобы сообразить, что с ней обходные пути зачастую оказываются быстрее и, что немаловажно, безопасней лобовой атаки. Алан, действительно, выбрал неверный тон, начав на Киру давить, что вызывало только еще более сильное неприятие с ее стороны. С ней следовало действовать мягче и тактичней.

Алан тяжело вздохнул и сел обратно.

– Ладно, извини. Но ты сейчас – реально последний шанс взять ситуацию под контроль, не привлекая никого со стороны. Как я уже говорил, стоит хоть кому-то проговориться – и все, пиши пропало. Конец и Вирталии, и «Техноскейпу», да и «Светлому Городу», скорей всего, тоже.

– Это еще почему? – нахмурилась Кира.

– А где мы возьмем деньги на завершение проекта, если я пойду по миру? Придется и эту лавочку закрывать.

Ну, или так. Поставить под угрозу любимое детище моей жены выглядело как удар ниже пояса и вполне могло сделать ее более сговорчивой, так что этот раунд однозначно оставался за Аланом. Уж не знаю, сам он до такого додумался, или ему подсказал кто, но, так или иначе, требуемого результата он достиг. Кира перестала недовольно морщить нос и подалась вперед.

– Чего ты от меня хочешь?

– У меня к тебе всего один вопрос – ты можешь определить местоположение источника той или иной эмоции?

– Только приблизительно, и сигнал, если так можно выразиться, должен быть достаточно сильным.

– Насколько сильным?

– Тебе в каких единицах? В киловольтах или мегапаскалях?

– Кира, ну хватит вредничать! – подключилась к нашему диспуту молчавшая до сих пор Юлия, – он же тебя по-хорошему просит. Что ты на него взъелась?

Они с Кирой хоть и не были подругами в полном смысле этого слова, Юлия все же являлась для моей жены своего рода авторитетом, к мнению которого она как правило прислушивалась. Годы работы рядом с Александром, главой Лиги, который хоть и приходился ей отцом, в деловых вопросах

никаких скидок на родство не делал, выработали в ней способность сохранять спокойствие даже в самых критических ситуациях и максимально трезво оценивать обстановку, когда все вокруг уже ударились в панику. В сравнении с Кирой Юлия выглядела как монолитная ледяная глыба рядом с хаотически извергающимся вулканом. Ну, я-то знал, что под маской внешней невозмутимости и даже безразличия скрывается вполне нормальный человек со своими слабостями, но это знание не предназначалось для широкой публики.

Вообще занятно, как практически полные противоположности склонны иногда притягиваться друг к другу. Юлия вот сошлась с Аланом, чей характер, вспыльчивый и эмоциональный, контрастировал с ее выдержкой не хуже, чем его длинные до плеч иссиня-черные волосы с ее традиционно короткой стрижкой. Тем не менее, несмотря на все различия, они неплохо ладили, по крайней мере на публике их пара выглядела исключительно дружной и гармоничной.

В принципе, если посмотреть на нас с Кирой со стороны, то мы также являли собой пример двух антиподов, где моя упрямая половина, что-то для себя решив, перла дальше как носорог, а я в большинстве случаев предпочитал уйти от конфликта, поскольку спорить с оппонентом мне, как правило, было просто лень. Так что и у нас до сего момента все складывалось вполне мирно.

Вот и сейчас источаемый Юлией лед благоразумия все же немного остудил kloкочущую лаву Кириногo недовольства.

– Мне неприятно, что меня принимают за какой-то... инструмент, – Кира снова откинулась на спинку и подхватила свой бокал, – возникла проблема – давай давить на все кнопки без разбору, авось что и выйдет. Я, в конце концов, человек, а не машина! Не грех хоть изредка и моим мнением поинтересоваться.

– Так я же ничего от тебя и не требую! – почти взмолился Алан, – я только уточняю, ты можешь примерно определить местоположение человека, испытывающего конкретные чувства? К примеру, отчаяние?

– Ну, твое собственное отчаяние я сейчас различаю вполне отчетливо, – Кира покосилась на него поверх кромки бокала, – ты еще скажи спасибо нашим девочкам, без их поддержки ты бы уже давно удавился с горя.

– Вовек не забуду! – сейчас Алан был готов терпеть любые унижения, – значит можешь, да?

Кира, однако, медлила с ответом, сделав еще один неспешный глоток. К сожалению, я неоднократно замечал за ней одну неприятную черту, характерную для некоторых людей, сумевших пробиться в свет с самых низов. Она не упускала возможности выпятить свое превосходство перед другими, целенаправленно провоцируя их зависть к своему успеху. А уж если несчастный оказывался от нее в чем-то зависим, то она, порой, начинала демонстрировать откровенно садистские замашки. И я опасался, как бы ей не пришлось в голову начать измываться над Аланом, что в кругу собрав-

шихся персон представлялось крайне неудачной идеей. Ведь своим стремительным взлетом она в значительной степени была обязана именно им.

Видимо, взвесив все за и против, Кира пришла к аналогичным выводам, а потому, отставив опустевший бокал, она заговорила уже спокойно и рассудительно.

– Видишь ли, тут есть одна проблема. Дело в том, что точно такое же отчаяние по разным причинам одновременно может испытывать довольно много людей. И я понятия не имею, как выхватить из их толпы конкретного человека.

– А с чего им вдруг всем отчаиваться-то? – удивилась Юлия.

– Вариантов масса, – Кира пожала плечами, – невозможность отстирать пятно с любимой кофточкой, очередное поражение в виртуальной дуэли, отказ любимой девушки... одни вспышки длительней и ярче, другие – на один миг, но в любом случае среди такого шума крайне сложно выискивать что-то конкретное. Я, честно говоря, даже не представляю, как это можно проверить.

– Вот зараза! – Алан в сердцах ударил кулаком по ладони, – но, быть может, нам удастся его «сигнал» как-нибудь выделить из общей массы?

– Как?

– Я не знаю! Мы можем... мы могли бы отправить к нашему клиенту в Вирталию своего скаута, чтобы он поговорил с ним и как-то повлиял на его настроение. Обнадежил бы или,

наоборот, вогнал в депрессию... это поможет?

– Ты предлагаешь таким образом *промодулировать* его эмоциональный сигнал? – теперь оживился и я.

– Ну да, вроде того.

– Но тогда ваши действия в Вирталии нужно как-то синхронизировать с нашими поисками, чтобы Кира знала, как и когда меняется его состояние.

– Никаких проблем, мы вас подключим, и вы сможете слышать весь разговор скаута с нашим клиентом и отслеживать его текущее настроение.

– По-моему, мы какой-то бред тут обсуждаем, – меланхолично заметила Кира.

– Бред или нет – покажет время, – Алан решительно рубанул ладонью воздух, – нам же сейчас необходимо сделать все возможное, чтобы выследить беглеца и исключить возможность повторения подобных инцидентов в дальнейшем. Не забывай, под угрозой само существование Вирталии и «Светлого Города»!

– То есть вы хотите, чтобы я бродила по улицам Кожевино, вращая головой как антенной из стороны в сторону и выдавая указания вроде «десять градусов правее», «на сто метров ближе»? Так, что ли?

– Именно! – буквально просиял Алан.

– И вас ничуть не беспокоит, что я при этом буду выглядеть полной дурой!?

– Зачем так сгущать краски! – Александр выглядел эда-

ким островком рассудительности и спокойствия в океане нашего буйного обсуждения, – на тебя, скорей всего, никто и внимания-то не обратит.

– Будем надеяться... и когда вы хотели попробовать?

– Я думаю, – Алан взглянул на часы, – наша техничка могла бы подъехать минут через пятнадцать.

– Что!? – Кира аж подпрыгнула, – прямо сейчас!?

– Но дело-то срочное! Тут каждая секунда на счету! Я и так жалею, что не вызвал вас еще вчера вечером.

– Но у меня сегодня смена в Центре! Кто там за меня отдуваться будет!?

– Кира, не волнуйся, – вновь охладил ее порыв седовласый глава Клана, – твои девочки прекрасно справятся и без тебя.

– Но не могу же я в таком виде разгуливать по улице! – Кира машинально разгладила складки на своем белоснежном платье, – мне надо переодеться.

– Наш дом все равно по пути в Кожевино, – я встал и протянул ей руку, – поехали, ты как раз успеешь, а остальные подхватят нас по дороге.

* * *

В семье Конрада Аше был заведен простой и понятный порядок – отец семейства говорит, все остальные ему внимают и поступают, как сказано. Поскольку Конрад являлся своего рода той осью, тем стержнем, на котором держалась и

вокруг которого вращалась вся жизнь их семьи, то такой подход имел определенное право на существование. Отец сказал – все послушно взяли под козырек.

Однако его заявление о том, что в скором времени они переедут из фамильного поместья в какой-то... поселок, все же настолько выбивалось из привычного течения вещей, что смогло поколебать казавшиеся незыблемыми устои.

– Куда? – его потрясенная супруга, Розалия, от удивления так высоко взметнула брови, что сумела собрать морщины даже на своем идеально разглаженном дорогостоящими косметическими процедурами лбу.

Горделивая и статная, год за годом умело обманывающая собственный возраст и регулярно ловящая на себе восхищенные взгляды кавалеров куда моложе нее, она, тем не менее, прекрасно понимала распределение ролей и традиционно старалась держаться в тени своего супруга, выглядывая из-за его спины, словно изящная городская ратуша, укрывшаяся за массивной крепостной стеной. Однако она всегда считала, что своими достижениями он в значительной степени обязан именно ей, ибо истинный потенциал любого мужчины в полной мере способен раскрыться только тогда, когда рядом с ним находится его любимая женщина, его более мудрая и рассудительная половина. Как следствие, все завоевания их семьи Розалия считала в том числе и своей заслугой и весьма дорожила соответствующим высоким статусом. Так что предложение мужа, предлагавшего им немного по-

ступиться, она ожидаемо восприняла в штыки. Это было уже слишком.

– Коттеджный поселок премиум-класса «Светлый Город», – пояснил Конрад, подтолкнув к ней по столу глянцевый буклет.

– *Коттеджный? Поселок?* – Розалия выплевывала слова, словно тараканов, оказавшихся в пирожном, которое она откусила, – чтобы жить через забор от каких-нибудь нуворишей и жуликов? Наслаждаться по ночам их пьяными воплями? Вдыхать вонь от их вечного барбекю на выходных? Терпеть визг и ор их избалованных отпрысков? Ты совсем рехнулся!?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.